

Даниэла Стил С первого взгляда

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8648044
С первого взгляда: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-082590-5*

Аннотация

Тимми О'Нилл всем была обязана самой себе. Красивая, сильная, состоятельная, она создала процветающую фирму с победоносным брендом готовой одежды. Она всегда точно знала, чего хочет от жизни, и наполняла работой все свое время.

Но за одиннадцать лет после развода в сердце ее ни разу не вспыхнула искра любви. Несмотря на успех у мужчин, Тимми убедила себя, что тот, настоящий, никогда не встретится...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стил Даниэла

С первого взгляда

Роман

Моим горячо любимым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Заре – пусть у всех у вас любовь с первого взгляда, и не только с первого, окажется настоящей и длится вечно. И пусть вам всегда сопутствуют радость и счастье.

Всем сердцем и душой преданная вам мама / s.d¹.

Отныне и вовек

Навек со мной
Взгляд первый твой,
И первое волнение,
И первых молний
Яркий блеск,
И первых волн
Внезапный всплеск —
Волшебные мгновенья.
Когда все мысли
Кувырком,
Когда в ушах
Грохочет гром,
А летний дождь
Трещит сверчком,
На радуге качаясь;
Когда не знаешь,
Явь или сон, —
Два сердца бьются
В унисон,
Часов не замечая.
И льется песня
Двух сердец —
Начало где
И где конец?
Нырять в омут,
В глубину...
Мои ожившие мечты —
И нежность рук,
И рядом ты,
В глазах твоих тону.
И все сбылось,
И пробил час,
И грянул гром

---

¹ Без указания срока (*лат.*). – Здесь и далее примеч. пер.

С небес для нас,
И встретились
Сердца.
И в этот миг
Я поняла,
Что я любовь
Свою нашла,
Что суждено
С тобою мне
Быть вместе —
До конца².

---

² Пер. И. Ченцовой.

Глава 1

Тимми разбудил голос пилота, который вел их самолет авиакомпании «Алиталия» из Милана в Париж. Как же она устала после сумасшедшей недели в Нью-Йорке и еще двух таких же сумасшедших недель в Европе – сначала в Лондоне, потом в Милане. Эти вояжи она совершала два раза в год, в феврале и октябре, показывая новые коллекции готовой одежды, свои знаменитые прет-а-порте. Она была основателем, путеводным светом³, главным художником-модельером и генеральным директором Дома моды, который разрабатывал самые популярные направления стиля дамской и мужской готовой одежды в Соединенных Штатах, с филиалами в Европе, почему и летала на европейские показы коллекций готовой одежды по два раза в год. В Нью-Йорке она представила свои модели вместе с другими американскими творцами моды, потом показала в Париже то, что разработали в ее французском филиале. А между этими показами побывала на дефиле в Лондоне и Милане. И на Неделе мужской моды в Париже, где представила собственную линию одежды для мужчин.

Тимми О’Нилл руководила своей фирмой единолично вот уже двадцать три года, с тех пор как создала ее, а было ей тогда двадцать пять лет. Сейчас ей сорок восемь, и ее империя так разрослась, что включила в себя область детской одежды, предметов домашнего обихода, декоративных принадлежностей, а также обои, простыни, полотенца, столовое и постельное белье. Десять лет назад фирма добавила косметические товары – кремы и лосьоны для женщин и мужчин и духи, несколько ароматов, и все были поражены, до какой степени они пришлись по вкусу покупателям и сразу же стали пользоваться огромным спросом во всех странах, где их продавали. Имя Тимми О’Нилл было известно всему миру и считалось символом хорошего вкуса и модных линий по доступным ценам, а также символом фантастического успеха.

Вот уже двадцать с лишним лет бренд «Тимми О» победоносно шествовал по миру, и сейчас его создатель и генеральный директор фирмы летела в Париж, чтобы провести октябрьский показ готовой одежды своего европейского филиала. Остальные американские модельеры выдохлись за время безумной недели демонстрации мод в Нью-Йорке: горячка европейского показа прет-а-порте была им не по силам. Одна только Тимми способна выдержать и то и другое, ведь ее энергия неиссякаема и успех ей не изменяет. Но даже она чувствовала огромную усталость после Милана, и мысль о парижском показе даже пугала. Модели, которые они показывали в Нью-Йорке, получили в прессе еще более восторженные отзывы, чем всегда.

Тимми была наделена своего рода «даром Мидаса», за все время ее профессиональной деятельности чутье ни разу не подвело ее, в мире моды были уверены, что она не может совершить ошибку. Даже в те редкие сезоны, когда сама она была не слишком довольна своими моделями или когда пресса восхищалась ими не слишком горячо, дела фирмы шли великолепно, она процветала. За что бы Тимми ни бралась, она все делала прекрасно, во всех своих начинаниях добивалась совершенства, во всем, что выходило из ее рук, была печать неповторимого вкуса и изящества. Она была беспощадно требовательна к себе, как мало кто еще способен быть, точно знала, чего она хочет и на что способна. Каким-то почти сверхъестественным чутьем она угадывала, что мир захочет носить, какими вещами себя окружить, какими ароматами дышать, задолго до того, как люди поймут это сами. Одно из первых мест в мире по объемам продаж занимали не только ее модели одежды, но и ее духи. Она сама подбирала их букеты и сама создавала упаковку. Очень мало было на свете такого,

---

³ Самая продолжительная «мыльная опера» в США, в 1930-х—1950-х годах выходившая как радиошоу, а с 1952 по 2009 г. выходившая в телеэфир на канале CBS.

что Тимми О'Нилл делала бы не виртуозно, не блистательно, – разве что, может быть, готовила неважно. И одеваться не умела, как она любила повторять. Воплощая в своих моделях самые передовые тенденции моды, она заявляла, что ей, в сущности, безразлично, что на ней надето. Времени не было над этим задумываться, хотя созданная ею одежда сделала ее знаменитой, в особенности спортивная одежда с ее брендом, в ней сочетались такие качества, как повседневность, удобство в носке и шик. Во всем, что она разрабатывала, была простая и строгая элегантность, и сама она, ничуть о том не задумываясь и не прилагая никаких усилий, была эталоном повседневного шика.

Летела она из Милана в джинсах и футболке – и то и другое с ее собственными лейблами, – в винтажной норковой куртке, которую нашла много лет назад в одном из бутиков в Милане, и черных туфлях-балетках, модель которых создала в прошлом году. С собой у нее была большая черная дорожная сумка из кожи аллигатора от Гермеса – предшественница сумок от Биркин, но еще более поражающая воображение своими размерами, и вот она-то была поистине элегантна, потому что за многие годы подобных странствий основательно потерялась.

Сидящая в одном из восьми кресел салона первого класса, Тимми вытянула перед собой ноги, и тут пилот объявил, что они идут на посадку в аэропорту Руасси-Шарль-де-Голль, недалеко от Парижа. Она проспала почти все время их короткого полета, не проснулась, и когда предлагали еду. Напряжение, лихорадочный темп работы, банкеты и рауты оставили ее выжатой как лимон. Она побывала на предприятиях, где производят трикотажные изделия ее бренда, столовое и постельное белье, а также шьют обувь. Показы готовой одежды в Европе непременно сопровождаются нескончаемыми банкетами и встречами, никто до последнего дня не спит. Сейчас в самолете рядом с ней сидел священник, он за все время полета не перемолвился с ней ни словом – вероятно, это был один из тех немногих людей на земном шаре, кто не знал ее в лицо и не носил вещей, созданных ею. Когда Тимми садилась, они вежливо кивнули друг другу, она бегло просмотрела «Геральд трибюн» – что там пишут о коллекции, которую она показывала в Милане, и о той, что показывала за неделю до того в Лондоне, и через десять минут уже спала сном праведника.

Самолет покотился по посадочной полосе, и она с улыбкой поглядела в окно, радуясь, что скоро увидит Париж, потом повернула голову в сторону своих помощников, которые сидели по ту сторону прохода. Священник весь полет смотрел в окно, а помощники Тимми не беспокоили ее, пока она спала. Эти три недели дались им нелегко, сначала демонстрация моделей в Нью-Йорке, потом Лондон, потом Милан. Остался только Париж, и какое же они все испытывали от этого облегчение.

Все четыре показа были важны, но показ коллекции готовой одежды в Париже был всегда особенно напряженным от начала и до конца, проходил в стремительном темпе и требовал огромных затрат энергии. Милан был своего рода Меккой в мире моды, но для Тимми важнее всего было завоевать Париж. И она его всегда завоевывала. Это был город, который она любила больше всего на свете, к нему устремлялись все ее мечты. Еще не стряхнув с себя сон, Тимми протянула записи своим помощникам, Дэвиду и Джейд. Дэвид работал с ней уже шесть лет, Джейд двенадцать. Оба были преданы ей всей душой, потому что она была добра и справедлива, и оба многому у нее научились и как у человека, и как у профессионала. А Тимми была поистине вдохновляющим примером во всем, начиная с самозабвенного увлечения, с которым она трудилась, до чуткого, бережного отношения к людям. Дэвид любил повторять, что в ней горит внутренний огонь, она точно маяк, который светит в темноте, указывая путь. И самым привлекательным в ней было то, что она и не подозревала о своих редких, прекрасных качествах. Непритязательность в мире моды – свойство немыслимое, но все, кто знал Тимми, единодушно сходились на том, что она на редкость скромна и проста.

Тимми обладала врожденным, безошибочным чутьем, подсказывающим ей, как следует вести дела, для кого разрабатывать модели и что люди захотят носить в следующем сезоне. Она мгновенно улавливала, какие нюансы необходимо учесть, и без колебаний вносила изменения в стиль, когда это требовалось. Такое за годы ее работы случалось не раз. Она никогда не боялась предложить что-то новое, каким бы рискованным это новое ни казалось. Она смело шла по жизни и много лет была для Дэвида и Джейд не только отличным боссом, но и добрым другом. Надежная как скала, трудолюбивая и работоспособная до одержимости, блистательно талантливая, с превосходным чувством юмора, отзывчивая, немножко сумасшедшая, перфекционистка во всем, и главное – добрая, Тимми поставила такую высокую планку компетентности, деловитости, креативности и профессиональной этики, что соревноваться с ней было нелегко.

Дэвид Гоулд пришел к ней сразу после окончания Художественного училища имени Парсонса как начинающий дизайнер, и Тимми скоро увидела, что модели его скучноваты, в них явно просматриваются тенденции прошлого, испытанные и надежные, но очень мало предощущения будущего, чего она как раз и ждала от своих помощников-дизайнеров. Однако разглядела в нем совсем иные и гораздо более полезные качества. Он оказался кладезем оригинальнейших маркетинговых идей, имел в высшей степени организованный ум и талант замечать малейшие детали, а также поддерживать контакт с массой людей одновременно. Она очень скоро обратила на него внимание в дизайнерской группе и сделала своим помощником. Он все еще ездил вместе с ней на демонстрации коллекций, но за шесть лет совместной работы его обязанности многократно умножились. В свои тридцать два года он был вице-президентом фирмы, отвечающим за маркетинг, и она обсуждала с ним все их рекламно-пропагандистские акции и мероприятия. Трудясь вместе, они разработали такую пиар-стратегию формирования имиджа фирмы, что «Тимми» притянула к себе всеобщее внимание, точно мощный магнит. Уж если Дэвид за что-то брался, он достигал блестящего успеха.

Как и всегда, он взял на себя все, что только можно, во время демонстрации коллекций в Нью-Йорке и Европе, чтобы Тимми было не так тяжело. Она любила повторять, что на его визитной карточке должно быть написано «Волшебник», а не «Вице-президент по рекламе и маркетингу». Если как художник он был одарен не слишком ярко, то в сфере маркетинга, рекламы и менеджмента возмещал этот недостаток стократно, и Тимми утверждала, что сама она ни на что подобное и отдаленно не способна. Она всегда по справедливости оценивала достижения других и не скупилась на одобрение и похвалы, когда люди того заслуживали. К Дэвиду она относилась с большой теплотой и нежностью, и когда он четыре года назад заболел гепатитом, сама ухаживала за ним, пока он не поправился. После этого их дружба стала еще более крепкой, он почитал ее как своего Учителя и говорил, что она научила его всему, что только можно знать об индустрии моды, а Тимми утверждала, что он давно превзошел ее во всем. Их совместная работа была на редкость плодотворной и приносила фантастический доход «Тимми О» – и фирме, и женщине, носящей это имя.

Джейд Чин в свое время работала помощником редактора в «Вог», и Тимми обратила на нее внимание во время фотосессий журнала, на которых Тимми часто присутствовала сама, следя за тем, чтобы все ее модели одежды были сфотографированы в наиболее выигрышном ракурсе. Джейд была так же дотошна, как и Тимми, придавала такое же огромное значение мельчайшим деталям и была готова работать по восемнадцать часов в сутки. Тимми пригласила ее к себе после того, как Джейд проработала в «Вог» пять лет, медленно поднимаясь по ступенькам казавшейся бесконечной лестницы, которая когда-нибудь приведет ее к должности редактора какого-нибудь отдела в журнале с мизерным жалованьем, разнообразными бонусами и льготами, но так и не даст должного признания. Взамен всего этого Тимми предложила Джейд жалованье, которое показалось ей в то время огромным, и долж-

ность своего личного помощника. У Джейд за двенадцать лет было множество возможностей войти в корпоративную структуру «Тимми О», но она предпочла остаться главным личным помощником самой Тимми. Она любила свою работу и все, что было с ней связано. И она отлично сработалась с Дэвидом. А с Тимми они работали с синхронной точностью и четкостью, Джейд каким-то шестым чувством угадывала идеи Тимми еще до того, как они придут ей в голову. Тимми уже давно говорила, что такая помощница, как Джейд, – мечта всех деловых женщин. Она, если можно так сказать, была чем-то вроде верной и преданной жены, только Тимми была женщина, а не мужчина. Она заботилась обо всем, вплоть до последней мелочи, даже брала во все поездки любимый чай Тимми в пакетиках. Чашка чаю появлялась как бы сама собой как раз в ту минуту, когда Тимми особенно в ней нуждалась, равно как и обед, ужин, легкий перекус, появлялся и туалет, который Тимми хотела надеть, готовясь дать интервью, появлялся подробный список тех, кому следует позвонить, кто звонил ей, от кого Джейд сумела отделаться, а также постоянно меняющийся график встреч. Занимаясь второстепенными делами, Джейд всеми возможными способами облегчала жизнь Тимми и помогала ей сохранять правильные ориентиры и всегда быть в курсе всего, что происходило.

Эта тройка была великолепно сработавшейся командой. Джейд и Дэвид освобождали Тимми от досадных мелочей повседневной жизни и давали возможность сосредоточиться на работе. Тимми говорила, что это благодаря им она так хорошо выглядит и так хорошо себя чувствует. За двенадцать лет Джейд летала с ней в Париж около пятидесяти раз, а Дэвид, вероятно, в два раза меньше. Из всех городов, что есть на нашей планете, Тимми больше всего любила Париж, и хотя штаб-квартира ее фирмы находилась в Лос-Анджелесе, она летала в Париж всякий раз, как представлялась возможность, и ездила по всей Европе, следя за тем, как идут дела в тамошних филиалах ее фирмы. Из всех американских модельеров она оказалась самой смелой, когда решила обосноваться в Европе и открыть там свои филиалы. И оказалось, что рисковала она не зря. Перелет через океан никогда не казался ей слишком долгим, она летала в Париж при малейшей возможности, под любым предлогом. Как и всегда после показа коллекции готовой одежды в Париже, который стоял последним пунктом в графике этого месяца и представлялся Тимми форменным светопрествлением, она планировала провести в городе два дня одна, чтобы перевести дух. А уж потом присоединиться к Джейд и Дэвиду в Нью-Йорке, там они будут вести переговоры с деловыми партнерами, посетят их фабрику в Нью-Джерси, встретятся со своими рекламными агентами и будут обсуждать стратегию проведения следующей кампании.

Тимми принадлежала к тем немногим предпринимателям, кто отказывался перенести штаб-квартиру своей фирмы в Нью-Йорк. Она предпочитала жить в Лос-Анджелесе, ей нравилась тамошняя жизнь, нравилось делить время между ее виллой на берегу океана в Малибу и городским домом в Бель-Эйр. У нее не было ни малейшего желания переселиться в пентхаус в Нью-Йорке, мерзнуть там зимой и метаться между Нью-Йорком и Хэмптоном летом. Она любила именно ту жизнь, которой жила, и утверждала, что здесь, в Лос-Анджелесе, ей все помогает. Что ж, с победителями не спорят. Если надо, она тут же сядет на самолет, не тратя времени, и полетит в Париж, в Нью-Йорк, а то и в Азию, такое тоже случалось. Дэвид уговаривал Тимми купить собственный самолет, но она заявляла, что он ей совершенно не нужен, она с удовольствием пользуется услугами коммерческих авиакомпаний, вот как сейчас, когда летит из Милана в Париж и когда летела из Лондона в Милан.

При том фантастическом успехе, которого Тимми добилась, она была на удивление неприязнительна. Никогда не забывала о своем скромном происхождении, о том, какая удача ей выпала в самом начале ее карьеры, не забывала кафе, где работала официанткой, когда начала создавать по ночам свои модели, которые шила из дешевых и необычных тканей, купленных на чаевые от посетителей кафе. Шила она платья семь лет, ей уже исполнилось два-

дцать пять, когда впервые улыбнулась удача: сотрудница управления знаменитого магазина «Барниз», заказывающая товары, обратила внимание на платья, которые у Тимми купили ее подруги-официантки, они были эффектные, необычные и стильные и к тому же великолепно сшиты. Она купила несколько лучших моделей и отдала в магазин «Барниз», тогда он находился на Семнадцатой улице, в Вест-Виллидж, и только потом переехал в центр. Платья Тимми мгновенно раскупили. Сотрудница заказала Тимми еще двадцать пять платьев, потом пятьдесят. В следующем году Тимми предложили сшить сто, и тогда она ушла из кафе, взяла в аренду старый товарный склад в районе Лос-Анджелеса, где рождалась мода, и наняла десяток девушек из приюта для матерей-одиночек, чтобы они помогали ей шить. Платила им приличное жалованье, они были на седьмом небе от счастья, и сама она тоже. Дело сразу пошло в гору. К своим тридцати годам Тимми добилась такого успеха, что ее изделия покупала вся страна, а в следующие восемнадцать лет она буквально вознеслась в стратосферу. Однако она всегда помнила, как и где все начиналось и как ей повезло, что ее заметили и что успех осенил ее. Хотя в жизни ей пришлось пережить немало тяжелого, она считала себя во многих отношениях счастливой. И самым главным счастьем была работа.

Тимми поглядела в иллюминатор с усталой улыбкой. Самолет подпрыгнул, коснувшись колесами земли, и побежал по посадочной полосе к терминалу аэропорта Шарль-де-Голль, где ее будут встречать обслуживающие вип-сервиса. Она надеялась, что все, по обыкновению, пройдет без сучка и задоринки, но одно знала точно – ей не придется страдать из-за смены часовых поясов, потому что они провели в Европе уже две недели. В ближайшие два дня ей предстоит дать несколько интервью парижским журналистам, потом запланирована встреча с торговыми представителями текстильных фабрик для выбора тканей, из которых она будет создавать зимнюю коллекцию следующего года. Хотя сейчас был только октябрь, готовая одежда, которую они будут показывать в Париже, предназначалась для весенне-летнего сезона. Она уже разрабатывает осенне-зимнюю линию. Одежда для отдыха и путешествий уже запущена в производство, не позднее чем через два месяца ее поставят. Работая, Тимми всегда смотрела на год вперед, и сейчас у нее уже были сделаны наброски для большей части коллекции, остальное она обдумывала.

– С кем я встречаюсь сегодня днем? – рассеянно спросила Тимми, любуясь в иллюминатор чудесным солнечным октябрьским днем. Как он радовал после пяти дней нескончаемого дождя в Милане! И какое счастье, что осенняя непогода еще не подобралась к Парижу, но, впрочем, она любила Париж даже в дождь. Она частенько говорила, что в какой-то из своих прошлых жизней наверняка была француженкой. Ее сердце навеки принадлежало этому городу, хотя ей было двадцать семь лет, когда она в первый раз его увидела, – через два года после того, как началось ее восхождение по лестнице успеха. Тогда, в первый раз, она прилетела, чтобы закупить здесь ткани для своих моделей, но показала она в Париже свою собственную коллекцию прет-а-порте много лет спустя, когда открыла филиалы своей фирмы в Европе, и это была огромная честь для нее и великая радость.

Увидев в первый раз Париж, она с первого взгляда полюбила его. Полюбила в нем все – погоду, архитектуру, людей, музеи, искусство, рестораны, парки, улицы, соборы, освещение, небо... Когда она в первый раз ехала в такси по Елисейским Полям в сторону Триумфальной арки, то была так потрясена, что на глазах у нее выступили слезы. Был поздний вечер, огромный флаг развевался на легком летнем ветру, ярко освещенный на фоне темного неба, и она почувствовала в своей душе благоговейное обожание этого волшебного города, которое так и осталось в ней навсегда. Всякий раз, как она сюда прилетала, сердце ее трепетало от волнения. Она так и не привыкла к Парижу, не могла относиться к его захватывающей дух красоте как к чему-то само собой разумеющемуся. Часто говорила, что хочет купить себе здесь квартиру, но почему-то все не покупала. Останавливалась неизменно в отеле «Плаза Атене»

в одних и тех же апартаментах, и там все носились с ней как с очаровательным избалованным ребенком. Ей это нравилось, и потому она и не обзаводилась собственным жилищем.

– Ты встречаешься после обеда с аналитиками моды из «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», а также с несколькими журналистами из «Фигаро», – четко ответила Джейд и с улыбкой поглядела на Тимми. У Тимми на лице было выражение, которое появлялось только в Париже. Как бы она ни устала, какими бы изматывающими ни были показы коллекций в других городах, в Париже она словно бы начинала светиться. У нее было что-то вроде романа с этим городом, ее даже шутливо поддразнивали по этому поводу. – У тебя на лице опять это выражение, – улыбаясь, сказала Джейд, и Тимми кивнула, не скрывая радости, что она в Париже, и пусть ее страна относится сейчас к Франции как угодно, и пусть все остальные сколько угодно порицают французов, Тимми всегда их стойко защищала. Она любила Францию, французов и Париж – беззаветно и безусловно. Случалось, она сидела поздно ночью в своих апартаментах в отеле «Плаза Атене», вернувшись после делового ужина, и любовалась жемчужным свечением темно-серого ночного неба или восходом в ясное зимнее утро... в весеннее утро... в летнее... Тимми любила Париж в любое время года, и не было на свете города, который мог бы сравниться с ним. Единственный, несравненный, так горячо любимый, при мысли о нем ее сердце всегда начинало громко стучать.

Тимми небрежно провела рукой по своим густым длинным волосам и перехватила их сзади резинкой. Даже не пошла в туалет посмотреть в зеркало, даже расческой не провела. Ей такое и в голову не пришло. Она очень редко обращала внимание на то, как выглядит. Тимми, такая красивая женщина, была совсем не тщеславна. Ее гораздо больше волновало то, как выглядят люди, для которых она создает одежду, а не собственная внешность. И это ее отсутствие самовлюбленности и удивляло, и одновременно восхищало. Когда она с головой уходила в работу, то становилась похожей на долговогого голенастого подростка, который случайно забрел сюда и притворяется взрослым. Манера у нее была властная, ее талант всеми признан, и в то же время было в ней какое-то простодушие, она словно бы и не знала, кто она такая и какой обладает властью. Подлинная сила Тимми заключалась в ее чистом, первозданном таланте и в ее неиссякаемой энергии.

Дел в Париже у Тимми было очень много. Завтра в семь утра примерка моделей на манекенщиц. После примерки поездка на текстильную фабрику, которая находилась в трех часах езды от Парижа, надо выяснить, согласятся ли там и смогут ли изготовить для нее нужные ей ткани. Потом еще несколько интервью, ее будут расспрашивать о коллекциях, которые она привезла, и о женской, и о мужской, о новых духах, которые «Тимми О» выпустила на рынок в сентябре и которые сразу же завоевали признание молодежи. Молодые женщины во всех странах мира жаждали их купить. Все, к чему прикасалась Тимми, обращалось в золото, ее окружал такой притягательный для всех ореол успеха. В ее деловой жизни так было всегда, а вот личная жизнь складывалась гораздо более сложно. А поглядеть со стороны – перед тобой красивая женщина с густой гривой рыжих волнистых волос, с большими зелеными глазами, которая и не подозревает, как она хороша.

Она встала, готовясь к выходу из самолета, и Дэвид взял ее сумку из кожи аллигатора и, как всегда, издал при этом стон.

– Вижу, ты опять прихватила с собой шар для боулинга, – шутливо пожаловался он, и она засмеялась. Его можно было принять за модель-юношу, Джейд была одета безупречно, являя собой полную противоположность Тимми. Тот, кто их не знал, вполне мог принять Джейд за знаменитого модельера, а Тимми за ее помощницу, хотя Тимми могла выглядеть ошеломляюще – когда того пожелает. Она по большей части носила свои собственные модели в сочетании с винтажными вещами, которые покупала уже много лет, и редкостной красоты индийские и старинные драгоценности, которые покупала у Фреда Лейтона в Нью-Йорке и у разных ювелиров Парижа и Лондона. Она любила необычное, любила сочетать

дорогие коллекционные вещи с дешевыми подделками, и никто, глядя на нее, не мог догадаться, что настоящее, а что ширпотреб. Не задумываясь надевала прекрасное бриллиантовое ожерелье на футболку или, например, огромный винтажный перстень белого, желтого и розового золота с черной и белой керамикой из коллекций драгоценностей Коко Шанель или Дианы Вриланд для деловых костюмов с бальным платьем. Тимми О'Нилл была наделена редкой природной красотой, но самое важное – она обладала врожденной элегантностью и умела очень интересно комбинировать элементы повседневной одежды в стиле «домохозяйки с тяжелыми сумками», как она любила себя называть. Никакой домохозяйкой она не была, но представлять себя в такой роли ей нравилось. Хотя вообще-то ни о какой роли ей думать не хотелось. Она просто вставала утром и одевалась, беря то, что попадет под руку. Эффект всегда оказывался превосходным, однако Джейд любила повторять, что рискни она, Джейд, одеться так, как позволяет себе Тимми, и ее не впустили бы в отель даже с черного хода. Но на Тимми все выглядело великолепно.

И когда они наконец спустились с трапа, небрежной элегантностью Тимми можно было только восхищаться.

Дэвид сразу углядел девушку из вип-зала, которая встречала их, и почувствовал себя несказанно счастливым, когда положил наконец на тележку неподъемно тяжелую сумку Тимми из кожи аллигатора. В ней было множество записей, блокнотов с набросками, книга, которую она захватила с собой на случай, если захочется почитать, флакон ее последних духов и тонна разнообразного хлама, как его называла Тимми, который всегда забивал ее сумку. Ключи, губная помада, зажигалки, пепельница, которую она украла в «Гарри баре» в Венеции, вернее, которую там ей подарили, когда она попыталась ее стащить, новая золотая ручка, которую ей кто-то презентовал, десяток серебряных карандашей, и все это весило не меньше тонны, и все это Тимми неизменно возила с собой. Дэвид говорил, что содержимого сумки Тимми довольно, чтобы открыть офис и начать дело. Она носила с собой все, что ей необходимо, чтобы чувствовать себя уверенно. Ей не хотелось тратить время и силы на поиски чего-то важного, когда она находилась в поездке. Поэтому и брала все с собой, как будто никогда больше домой не вернется.

Все пошли за барышней из вип-зала к транспортеру получать багаж, Джейд и Дэвид будут его дожидаться. Багажа у них высоченная гора, Тимми всегда брала с собой непомерно много, да еще они везли всю свою коллекцию, упакованную в специальные контейнеры. Авиалинию заранее предупредили, так что сундуки и чемоданы с коллекцией готовой одежды выгрузили первыми. Дэвид заказал фургон, который доставит все это в отель. Он предложил Тимми ехать прямо сейчас, а он приедет вместе с багажом, но она отказалась, сказала, что лучше подождет, хочет быть уверена, что ни одна вещь не пропала. Это была бы катастрофа. Оставив Джейд и Дэвида беседовать в ожидании багажа, Тимми отошла в сторону и, рассматривая публику, закурила сигарету. Она бросила курить еще в незапамятные времена, но снова закурила одиннадцать лет назад, когда разводилась с мужем.

Она тихонько стояла себе у стены, глядя на пассажиров, идущих со своими чемоданами к таможенному контролю. Как американцы, да еще привезшие целую коллекцию одежды, они должны были пройти не только таможенный контроль, но еще и иммиграционный. У них были документы, освобождавшие их от пошлины и налога, хотя очень маловероятно, чтобы кому-то пришло в голову открывать их сундуки и чемоданы. Они заплатили пять тысяч долларов за перевозку сверхнормативного багажа, примерно столько же, сколько платили всегда, доставляя коллекцию из Нью-Йорка в Лондон, потом в Милан, потом в Париж и, наконец, домой, в Лос-Анджелес.

Тимми курила и думала о том, какой огромный путь она прошла. Сейчас для нее нет ничего проще и естественнее, чем остановиться в отеле «Плаза Атене», прилетев в Париж. Она чувствует себя там как дома, а с чего все начиналось? Она никогда не забывала то

маленькое кафе, где служила когда-то официанткой, и благодарила судьбу за тот счастливый случай, который помог ей выбиться и потом подняться на такую высоту. Как далеко – ах, как несказанно далеко было оттуда до Парижа, где она сейчас стояла в винтажном норковом жакете, с драгоценным бриллиантовым браслетом на запястье, на который проходящие мимо пассажиры обращали внимание, когда она подносила к губам руку с сигаретой. Она общалась с ним так небрежно, что хотя крупные камни сверкали ослепительно, трудно было понять, настоящие они или подделка. Тимми рассеянно сняла резинку с волос, и длинные рыжие волны разлились по ее плечам. Она была похожа на Риту Хейворт в расцвете молодости и красоты. Тимми выглядела гораздо моложе своих лет, никому бы и в голову не пришло, что ей сорок восемь. Ну самое большее сорок. И вовсе не потому, что она прилагала к этому особые усилия, как-то особенно заботилась о своей внешности, – ей просто достались хорошие гены, и ее благословила слепая удача. Она терпеть не могла физических упражнений, в диете не нуждалась и почти не пользовалась косметическими средствами ухода за кожей. Плеснет в лицо утром холодной водой, почистит зубы, расчешет волосы – и готова.

Ее скользкий взгляд остановился на молодой женщине с детьми, которая с трудом снимала с конвейера свои чемоданы. В кенгурушке у нее лежал грудной ребенок, двухлетняя девочка с куклой вцепилась в ее юбку, мальчик лет четырех пререкался с матерью и в конце концов заревел. И мама, и сын были сердиты и раздражены. Тимми обратила внимание, что девочка очень хорошо одета. На мальчике были короткие штанишки и матросская курточка. Измученная женщина снимала чемоданы, а мальчик продолжал реветь. Было видно, что он не просто капризничает, а из-за чего-то расстроился. Не задумываясь ни на миг, Тимми сунула руку в карман жакета, где у нее была горсть чупа-чупсов, она любила их сосать, когда ей приходилось делать наброски. Они заменяли ей сигарету, это была уже давняя привычка. Она вынула из кармана два леденца и подошла к маме плачущего мальчика. Судя по всему, они были французы. При всей пламенной любви к Франции и ко всему французскому, Тимми так и не выучила французский язык, знала лишь несколько обиходных слов. Объяснялась по большей части с помощью жестов и улыбок, помогал ей выходить из затруднительных положений водитель, с которым она обычно ездила в Париже. На сей раз помочь ей было некому. Ей удалось поймать взгляд молодой женщины, она незаметно для детей показала ей леденцы и робко вопросительно улыбнулась.

– Oui?⁴ – спросила она.

Женщина поняла и засомневалась. Внимательно посмотрела на Тимми и хотела сказать «нет», но в это время к ней повернулись дети. Тимми свободной рукой нежно погладила мягкие волосы мальчика, подстриженные красивым каре, которые по странной случайности оказались такого же цвета, как и ее волосы, вернее, какими они были у нее в его возрасте. С годами волосы Тимми приобрели оттенок яркой меди, а волосы мальчика были оранжевые, как морковка, да и лицо было покрыто яркими веснушками, как когда-то ее лицо. Девочка была светленькая, с большими голубыми глазами, как у матери. У младенца в кенгурушке вовсе не было волос, он безмятежно взирал на происходящее с соской во рту, которая поглощала все его внимание. Девочка сосала палец, слезы брата ее ничуть не трогали.

Заметив невольный жест Тимми, нежно погладившей голову мальчика, после чего он перестал плакать, молодая женщина кивнула и с удивлением посмотрела на незнакомку. Дамы обменялись улыбками, молодая мама поблагодарила Тимми по-французски, сказала «Oui», и Тимми дала детям по леденцу, а потом помогла их маме положить один из чемоданов на тележку. Дети вежливо сказали Тимми «мерси», и семья пошла дальше, а Тимми осталась глядеть им вслед.

⁴ Да? (фр.)

Судя по ярлыкам на их вещах, они прилетели не из Милана, а другим рейсом из какого-то французского города. Мальчик обернулся и помахал Тимми, шаловливо улыбнувшись, обернулась и мама с благодарной улыбкой, Тимми помахала им в ответ. Она провожала их глазами, пока они не скрылись в толпе, и тут к ней подошли Дэвид и Джейд. Они не видели только что произошедшей сцены, но она бы их не удивила. Тимми обожала детей, но своих у нее не было. Она всегда разговаривала с детьми в аэропортах, в супермаркетах и в универсальных магазинах, пока стояла в очереди. Она умела найти к ним подход, дети сразу располагались к ней, несмотря на незнание языка, другую национальность и разницу в возрасте. Она просто любила детей, и всё, и они это чувствовали. Тимми легко и естественно заводила с ними разговор, этого было трудно ожидать от дамы, занимающей столь высокое положение, сделавшей столь блестящую карьеру и не имеющей семьи. Она всегда говорила, что она одна в этом мире. И не раз признавалась Джейд, что хочет усыновить ребенка, но так пока никого и не усыновила.

У Джейд тикали ее собственные биологические часы. Ей было тридцать восемь лет, и она волновалась, что так никогда и не родит ребенка. Десять лет у нее был роман с женатым мужчиной, но год назад она с ним рассталась, и с тех пор не встретила никого, к кому можно было бы отнестись серьезно. Ее часы громко тикали. А часы Тимми уже давно замолчали. В таком возрасте рожать ребенка поздно, но вот усыновить... эта мысль ее очень привлекала, но была далекой и отвлеченной, скорее, некоей туманной мечтой. Она знала, что вряд ли осуществит эту мечту, но лелеять ее было приятно, хотя она уже довольно давно ни с кем эту тему не обсуждала. Дэвид считал, что ей непременно следует усыновить ребенка. Боялся, что в старости без детей Тимми будет одиноко. Ведь даже она не сможет работать вечно. Или сможет? Сама она частенько повторяла, что собирается работать до ста лет, пока сердце не остановится.

Джейд считала, что Тимми и так хорошо, а ее желание взять чужого ребенка – блажь. Она успешная деловая женщина, которая знает всему в жизни цену и возглавляет огромную империю. Джейд и представить себе не могла, что Тимми будет делать с ребенком. Она знала, как знала и сама Тимми в глубине души, что это всего лишь мечта и так навсегда мечтой и останется. Но иногда тихими одинокими ночами Тимми давала волю своей мечте, и у нее больно щемило сердце. Ей не хотелось признаваться, до какой степени она одинока, и ее угнетала перспектива так до конца жизни и остаться одной. Не этого она когда-то ожидала от жизни. Но годы шли, и многое изменилось. Она стала относиться к себе философски, радовалась жизни и старалась не задумываться над тем, насколько более одинокой она будет в старости. Сама того не желая, она сделала ставку на карьеру, а не на мужа и детей.

Жиль, парижский шофер Тимми, ждал их возле таможенного и иммиграционного контроля. Как приятно было увидеть его знакомое симпатичное лицо, он приветствовал их широкой улыбкой и взмахом руки. Как всегда, во рту у него была сигарета, один глаз сощурен, чтобы не попала вечно поднимающаяся от нее струйка дыма. Он возил Тимми уже десять лет, и за это время успел жениться и родить троих детей. Его жена работала помощницей кондитера в отеле «Крийон», вдвоем они прилично зарабатывали, а детьми занималась его мать.

– Бонжур, мадам Тимми! Хорошо ли долетели?

Говорил он на довольно правильном английском, но с сильным французским акцентом, и всегда с удовольствием возил Тимми. Она была справедлива, доброжелательна и никогда не требовала от него ничего неразумного. Искренне извинялась, если приходилось задерживать его допоздна, но он ничуть не возражал. Ему нравилась его работа, нравились люди, с которыми он встречался. Он гордился, что возит таких знаменитых клиентов, другие водители ему завидовали. Тимми давала ему щедрые чаевые и каждый год на Рождество присылала новый костюм, так что из всех водителей, что работали в отеле «Плаза Атене» и в

других отелях, он был, возможно, самый элегантный. Привозила она подарки и его жене и детям. Его радовала ее пламенная любовь к Парижу и Франции, и когда сейчас она и Джейд сели к нему в машину, они сразу же принялись дружески болтать и не могли наговориться всю дорогу; Дэвид же сел рядом с водителем фургона, который вез их вещи, – конечно, это не входило в обязанности вице-президента фирмы по маркетингу, но он хотел лично за всем проследить, чтобы ничего не пропало и не потерялось по дороге.

– Как Соланж и дети? – улыбаясь, спрашивала Тимми.

– Очень хорошо. Очень много хорошо, – отвечал он, тоже сияя улыбкой и по-прежнему щурясь от сигаретного дыма, хотя Джейд опустила стекло с неодобрительным видом. Но Тимми не возражала, она сама достала сигарету и закурила. Она всегда курила во Франции больше обычного, потому что здесь все много курили.

– На будущий год у нас будет еще один ребенок, – радостно сообщил Жиль. Тимми знала, что это уже четвертый. Он не раз спрашивал ее совета, куда лучше вкладывать деньги. Они с женой неплохо зарабатывали, и у них был собственный дом в пригороде Парижа, где вместе с ними жила овдовевшая мать Соланж. Тимми любила расспрашивать людей, которые с ней работали, об их жизни, а Жиль был ей особенно симпатичен.

– У вас все хорошо? – спросил он и взглянул на нее в зеркальце заднего вида, виртуозно лавируя среди потока автомобилей, устремившихся из аэропорта Руасси-Шарль-де-Голль в Париж. Он всегда считал ее красивой и по-женски привлекательной, несмотря на возраст. Он не разделял предрассудка мужской половины Америки, что только молодые женщины имеют право на внимание. Сорок восемь лет – прекрасный возраст, считал он, особенно если женщина такая красавица.

– Все отлично, – оживленно ответила она. – На следующей неделе будем показывать коллекцию готовой одежды. Может быть, в субботу и воскресенье мне удастся выкроить время и пройтись по магазинам. – Она надеялась, что к пятнице они сумеют все завершить и у нее выдастся денек-другой для себя, и вот тут-то она походит по антикварным магазинам и по парижским бутикам. Куда бы она ни приезжала, она непременно должна была познакомиться с последними веяниями в местной моде и определить, насколько велика конкуренция. Но в Париже она также любила просто бродить по набережным Сены, останавливаться у развалов букинистов, листать старые книги, вдыхая в себя воздух Парижа. Любила она заходить и в церкви. Жиль частенько возил ее в тихие укромные уголки города, в которые без него она никогда бы не попала, и показывал ей маленькие старинные часовни, о которых она никогда не слышала. Ему было интересно ездить с ней, он любил показывать свой прекрасный город людям, которые восхищаются им так, как восхищалась Тимми.

Она уже сказала Джейд и Дэвиду, что когда они завершат всю предварительную работу, то на выходные смогут уехать. Оба хотели вернуться в Лондон и повидаться с друзьями. Они не разделяли страстной любви Тимми к Парижу, Дэвид даже сказал, что, может быть, махнет в Прагу. На субботу и воскресенье у Тимми не намечено никаких интервью и встреч, она надеется, что к тому времени они успеют сделать все примерки. Портнихи, которых заранее прислала Тимми, будут весь уик-энд трудиться, подгоняя и улаживая то, что пришлось изменить в последнюю минуту, но это все они способны сделать сами. В крайнем случае какие-то последние стежки сделает она, Тимми, в понедельник, когда вернутся Джейд и Дэвид. Показ коллекции состоится во вторник, и во вторник же вечером Джейд и Дэвид полетят в Нью-Йорк, а она присоединится к ним в пятницу, пробыв здесь после показа два дня, без всех, одна. Она к тому же позволила себе распорядиться собственным временем в субботу и воскресенье, это и дополнительный бонус, и щедрая награда за три недели напряженнейшей работы. По ее виду никто бы не догадался, как она устала, да и сама бы она не призналась, но скрывай не скрывай, а ей нужно хоть немного отдохнуть.

Всю дорогу до Парижа она и Жиль оживленно болтали, а Джейд неторопливо просматривала свои записи. Она оставила несколько сообщений на автоответчике их телефона в лос-анджелесской штаб-квартире, их прочтут, когда офис откроется, и еще несколько сообщений отправила в Нью-Йорк. В Париже сейчас чуть за полдень, для всего остального мира это слишком рано. Первое интервью у Тимми только в половине третьего, у нее есть в запасе немного времени, чтобы отдать все распоряжения и собраться с мыслями. Движение на шоссе было довольно напряженное, и когда они повернули на авеню Монтень, было уже около часа дня. Увидев здание отеля «Плаза Атене», Тимми так и засияла. Это был ее дом вдали от родного дома. Ей нравилось здесь жить, нравилась элегантная роскошь, нравились люди, изысканное обслуживание, она любила встречаться за завтраком с друзьями в ресторане «Реле-э-Шато».

– В Париже у вас всегда такой счастливый вид, – заметил Жиль, распахивая ей дверцу, а швейцар улыбнулся, узнав ее, и прикоснулся рукой к фуражке.

– Добро пожаловать к нам, мадам О’Нилл, – приветствовал ее он.

Джейд уже распорядилась относительно их ручной клади, и тут как раз подъехал Дэвид с фургоном, привезшим их собственный багаж и контейнеры с коллекцией.

Джейд неторопливо раздавала всем чаевые, а к Тимми вышел помощник управляющего, чтобы проводить ее в апартаменты, и сообщил Жилю, когда он должен вернуться. Тимми в Париже обычно обедала поздно, причем предпочитала маленькие бистро, где ее никто не знал и не поднимал вокруг нее суеты, там она могла есть простую французскую еду. Она поднялась по ступеням крыльца, вошла через вращающуюся дверь и оказалась среди строгой изысканной роскоши холла, тут уж никто не сомневался, что она важная персона, все служащие с ней здоровались, улыбались, заместитель управляющего шел чуть впереди, провожая к апартаментам. Здесь всеобщее внимание не вызывало у нее такой досады, какую вызвало бы где-то в другом месте. Она терпеть не могла, когда вокруг нее устраивали суматоху, но здесь, в отеле «Плаза Атене», ее встречали так искренне и сердечно, и она всем радостно улыбалась, идя к апартаментам, в которых останавливалась вот уже пятнадцать лет. В ее люксе были гостиная и спальня с прекрасными высокими окнами от пола до потолка, задернутыми пышными атласными занавесями. Мебель была баснословной цены, за такие деньги можно было купить небольшой замок во Франции, всюду позолота, зеркала, канделябры, огромная ванная комната с ванной, в которой она любила нежиться часами. На столе ее любимые шоколадные конфеты и фрукты, огромный букет цветов в вазе – приветствие управляющего отелем. Как же ее здесь балуют и тешат! Она чувствовала это, едва ступив в дверь отеля, и хотя ей предстояли сумасшедшие дни, она была счастлива, что проживет здесь больше недели. Десять дней в Париже восстановят ее силы, как бы тяжело ей ни пришлось трудиться. Предстояло пережить «безумный месяц», чтобы потом получить в награду неделю чистой, ничем не омраченной радости в Париже, Тимми всегда так считала.

Помощник управляющего поклонился, положил ключи на столик и исчез, а она сняла свой норковый жакет, бросила его на просторное бархатное кресло и стала просматривать у письменного стола полученные сообщения. Их было уже десять плюс четыре факса из ее офиса. Джейд прочитала для нее все сообщения и доложила, что все владельцы текстильных предприятий подтвердили время и место встреч, а одно из интервью перенесли на завтра. Впереди их ждут горячие денечки, им ли этого не знать. Тимми с Джейд принялись обсуждать дела, и в это время официантка принесла поднос с чаем. Здесь знали, что нужно подать Тимми, – заварили в чайнике «Эрл Грей» и положили в вазочку любимое печенье. Разве перед таким вниманием возможно устоять?

– Какой у тебя довольный вид, – заметил Дэвид, заглядывая в дверь.

Джейд показала коридорному, где именно следует поставить чемоданы Тимми в спальне. Здесь, в отеле «Плаза Атене», все совершалось по раз и навсегда заведенному

порядку с точностью швейцарских часов. Дэвид улыбнулся, увидев счастливую улыбку на лице Тимми. В своей футболке и джинсах, с рассыпавшимися по плечам рыжими волосами она была похожа на подростка. Все так же радуясь, она села на кушетку в гостиной и положила ноги в своих черных туфлях-балетках на кофейный столик.

– Как же мне здесь хорошо, – призналась она, и в первый раз за все эти напряженные недели с ее лица исчезла тень озабоченности. Она так и сияла.

– Хотел бы я услышать это от тебя во вторник, – поддел ее Дэвид. Он-то знал, что к тому времени они будут рвать на себе волосы из-за неурядиц с коллекцией, нескончаемых пререканий с манекенщицами, технических сложностей с освещением и звуком, из-за неустойчивого подиума и еще великого множества обычных напастей, которые обрушиваются на них во время демонстрации коллекций, но сейчас – сейчас ее не терзали заботы, она просто радовалась тому, что она здесь. – Тебе и правда надо купить дом в Париже, раз уж ты его так любишь.

– Надо бы. Но меня слишком избаловали здесь, в отеле. Такого в собственном доме не будет. – И она широким жестом указала на цветы, поднос с чаем и печеньем, огромное серебряное блюдо с шоколадными конфетами, изысканную обстановку ее апартаментов. – В «Плаза Атене» я чувствую себя Элоизой⁵.

– Ладно, Элоиза, у тебя есть полчаса, чтобы переодеться, если ты, конечно, собираешься переодеться, – деловито сказала Джейд. – У тебя два интервью одно за другим, потом перерыв и встреча. Хочешь, чтобы я заказала обед? – Тимми покачала головой. Чай и печенье – что может быть лучше, ей этого вполне довольно. Ела она мало и была такая же худая, как их манекенщицы. В свое время ее приглашали работать манекенщицей, но ее не прельстила такая карьера. Даже и в те годы ей было гораздо интереснее создавать модели одежды, которые будут показывать манекенщицы, чем быть одной из них. Однако она и сейчас оставалась такой же стройной и изящной.

– Я не буду переодеваться, – спокойно сказала Тимми, взглянув на свои часики, и сделала глоток чаю.

Она хотела позвонить в Лос-Анджелес своему нынешнему эпизодическому спутнику жизни, хотя звонить ему в такой час было глупо. В Лос-Анджелесе сейчас четыре утра, и будить его ей не хотелось. Но Зак взял с нее слово, что она позвонит ему, когда прилетит в Париж, хотя ей это казалось абсурдом. Однако он убеждал ее, что непременно хочет услышать ее голос, и тогда уже успокоится, что она благополучно долетела, и это ее растрогало. Он редко баловал ее своим вниманием и заботой, и тут вдруг в кои-то веки проявление доброты.

Тимми не взяла его с собой в поездку, и он все еще сердится на нее, она это знала. Он как ребенок ждал, что она будет его баловать и забавлять, и в этот раз чуть не целый месяц дулся на нее, едва узнав о поездке. Он не верил ей, когда она говорила, что будет все время работать и что ей не до развлечений, хотя она и надеялась выкроить для себя свободный уик-энд. Заку нет никакого смысла лететь из Лос-Анджелеса ради двух свободных дней, считала она, – еще неизвестно, сможет ли она урвать их ради него, ведь всегда существует угроза, что что-то сорвется, – или двух дней, которые она хочет подарить себе для отдыха на следующей неделе. Когда Тимми работает круглые сутки, ей совершенно не нужно, чтобы Зак находился где-то рядом. Во время нынешней поездки у нее до сих пор не выдалось свободного часа, что уж говорить о дне. Интересно, если она позвонит ему из Парижа, умиротворит его звонок хоть немного или еще пуще разозлит? Она колебалась. Может быть, лучше позвонить позже, после обеда, но тогда он может обидеться, что она не сдержала обещание. Или позвонить сейчас, просто сказать: «Привет, целую, спи дальше», – и положить трубку? Она знала, что

---

⁵ Героиня фильма «Приключения Элоизы», реж. Кевин Лима, 2003 г.

он ее не простил, – как она могла не выполнить его каприз и оставить на три недели в Лос-Анджелесе, а сама улетела сначала в Нью-Йорк, а после Нью-Йорка в Европу, в три города, о которых он давно мечтал.

Хотя встречались они от случая к случаю, Зак, когда Тимми стала готовиться к поездке, решил, что она непременно должна взять его с собой развлекаться. Она не согласилась, и это стало яблоком раздора между ними, он долго на нее дулся, дуетя и сейчас. Такова низменная природа мужчин, которые притягиваются к таким ярким и сильным женщинам, как она. В таких отношениях мужчина и женщина словно бы меняются ролями, и ей эта смена ролей никогда не нравилась; раньше она считала, что ни на что подобное никогда не согласится, и вот поди ж ты – уже несколько лет только такие отношения у нее и возникают. Мужчины, подобные Заку, были для нее единственной альтернативой одиночеству. В таких связях было много минусов, она реалистично смотрела на вещи, но были и плюсы. Зак почти всегда вел себя как избалованный ребенок. Он был молод, не ведал чувства ответственности и был полностью сконцентрирован на себе.

За одиннадцать лет, что прошли после развода, у Тимми сменилось много таких мужчин, как Зак. Замужем она прожила пять лет, и годы, протекшие после замужества, казались ей нескончаемо долгими и бесконечно пустыми. Она заполняла жизнь главным образом работой, долгими часами труда, посвятила себя созданию своей империи, строила ее год за годом и воздвигла нечто, внушающее великое уважение. В ее жизни было мало времени и мало возможностей для серьезных отношений, сейчас она пришла к убеждению, что о чем-то подобном ей уже и думать поздно. Тимми часто говаривала, что успешные женщины, подобные ей, не привлекают мужчин равного ей статуса и масштаба, не привлекают и мужчин, которые разделяют те же нравственные ценности. Женщины столь высокого положения притягивают к себе точно магнит мужчин инфантильных, которые желают, чтобы их нянчили как маленьких детей. Она была твердо убеждена, что мужчины ее возраста, столь же успешные и влиятельные, как она, выбирают себе женщин в два раза моложе, которые рады-радехоньки возможности стать подружкой или любовницей значительного человека. Они и готовят себя для роли декоративного украшения при могущественном мужчине и потому льстят ему и радуются, когда их выставляют напоказ и хвастаются ими, точно завоеванной добычей. Тимми говорила, что мужчин ее статуса и возраста не интересуют женщины ее возраста, а также женщины, столь же успешные, как они сами. И так оно на самом деле и было в ее случае. За все одиннадцать лет после развода к ней не приблизился ни один-единственный мужчина, добившийся равного с ней успеха и более или менее ее возраста. И потому ей, как и другим подобным ей женщинам, оставалось выбирать между достойным, возвышенным одиночеством и случайными связями с такими мотыльками, как Зак. Они были, как правило, моложе ее, Зак хотя бы всего на несколько лет, роман с двадцатипяти-тридцатилетними казался Тимми полным абсурдом, да и со скуки с ними помрешь. Беда заключалась не в разнице в возрасте, а в том, что ни они не были в нее влюблены, ни она в них. Она многое могла бы простить, будь с обеих сторон хоть искра любви, но за одиннадцать лет эта искра ни с одним из ее партнеров не вспыхнула.

Мужчины, которые ее окружали, были по большей части актеры, иногда мужчины-модели, писатели, художники, все они лелеяли какие-то свои честолюбивые планы, чем-то занимались, но особыми талантами не блистали. Настоящего успеха никто из них не добивался, а работать так же целеустремленно, как Тимми, они не умели. Красивые, самолюбленные, избалованные, они на первых порах были поверхностно милы с ней, восхищались ее высоким положением, иногда завидовали. С удовольствием пользовались благами, которые она им дарила. И всегда, со всеми с ними она отдавала, а они брали, и в конце концов этот эмоциональный дисбаланс губил отношения. Они распадались не потому, что у нее было больше денег, а потому, что они не любили друг друга, так считала Тимми. Она никого

из них не полюбила, и никто из них не полюбил ее. Примерно через полгода они расставались, как правило мирно, дружески. Они помогали ей скоротать время и заполняли пустоту ночью и в выходные дни. Давали иллюзию спасения от одиночества, от холода, который становится совсем уже непереносимым, когда рядом с тобой нет ни души. И все равно Тимми постоянно терзали сомнения, соглашаться ли на недолгие связи с мужчинами, не отвечающими ее представлению об истинном возлюбленном, или бесстрашно оставаться одной, надеясь когда-нибудь встретить свою настоящую любовь. Случалось, бесстрашие ей изменяло. И тогда появлялся очередной Зак, и она снова шла на компромисс, хотя порой чувствовала себя с ним еще более одинокой, чем в полном одиночестве, а иногда все получалось не так уж плохо. В благодарность за их общество она помогала им продвинуться в карьере, брала с собой на светские тусовки в те редкие случаи, когда сама их посещала, приглашала на уик-энды на свою виллу в Малибу.

На самом-то деле она все эти одиннадцать лет не искала себе спутника жизни. Она приняла свой статус одинокой женщины после развода и с ним смирилась. Если она не любит мужчину, ей и не нужно, чтобы он был всегда с ней. Но случалось, что ей было весело в обществе какого-то мужчины, спокойно, оно даже льстило ей. В свои сорок восемь лет она не собиралась вовсе отказываться от отношений с мужчинами. Пусть даже тот, настоящий, кто ей нужен, так никогда и не встретится. Она знала все недостатки таких пустоцветов, как Зак, но никакие другие ей и не встречались, по крайней мере до сих пор. Как ни мелок был Зак, он скрашивал ее одиночество, она хорошо к нему относилась. А раньше, пока он не начал устраивать сцены из-за того, что она отказалась взять его с собой в Европу, относилась еще лучше. Он слишком уж разозлился, и это ее оттолкнуло. Она стала относиться к нему более прохладно, а он до самого ее отъезда так и продолжал на нее злиться. Она даже не была уверена, что они будут опять встречаться, когда она вернется в Америку. И еще не решила для себя, хочет она этого или нет. Она чувствовала, что скоро их отношениям придет конец, и она уже почти выдохлась, и он. И ему, и ей, каждому на свой лад, эти отношения дали меньше, чем они от них ожидали, и меньше, чем заслуживали. А если в душе у любовников поселилось недовольство друг другом, долго им вместе не продержаться.

И несмотря на все это, Тимми несколько раз звонила ему после отъезда, ей не хотелось захлопывать дверь, хоть она и сердилась на себя за то, что терпит его капризы. Как же не хочется снова оказаться в одиночестве... Иногда ей бывало с ним очень приятно, хотя она не строила никаких иллюзий относительно будущего. Без любви их отношения рано или поздно прервутся.

Заку был сорок один год, в прошлом актер, а сейчас мужчина-модель. Он снялся в нескольких рекламных кампаниях для национального телевидения и неплохо заработал. Тимми с ним познакомилась, когда он пришел к ней на кастинг для национальной рекламной кампании «Тимми О», но выбран не был, и после этого они начали встречаться. Отказ он принял без обиды, хотя она знала: он надеется, что когда-нибудь она даст ему работу. Время от времени он заводил об этом разговор, и ей это было неприятно.

Зак был веселый, заводной и к тому же неотразимо хорош собой. Они отлично проводили уик-энды на Малибу, хотя секс занимал не слишком большое место в их времяпрепровождении. Тимми давно поняла, что мужчины-нарциссы гораздо менее одарены сексуально, чем остальные. Их больше всего на свете интересуют они сами, а это-то качество как раз и отсутствовало у Тимми. Нарциссизм, самовлюбленность, эгоцентризм были ей совершенно чужды. Те, кто хорошо ее знал, как, например, Джейд и Дэвид, в один голос утверждали, что Тимми – по-настоящему хороший человек, встретить такого большая редкость. О Зাকে никто ничего подобного бы не сказал.

Зак никогда не был женат, эдакий профессиональный холостяк, его совершенно не привлекали ни семья, ни дети. Единственное, чего он хотел, это жить весело и беззаботно. Если

отношения с женщиной вписывались в эти критерии или были ему в каком-то отношении полезны, он с удовольствием их поддерживал. Ему нравилось быть рядом с Тимми на виду, красоваться в лучах ее славы, и он постоянно искал малейшего случая, малейшей возможности продвинуться в своей карьере. Но труду он предпочитал подаренные привилегии и нечаянно свалившуюся удачу. Тимми была пчела-работница, а он трутень.

Вот такие сложились у них отношения, и она смотрела на них трезво. Все очень хорошо и мило, пока они продолжают, но рано или поздно, по той или иной причине, им придет конец, она это знала. Связь с такими мужчинами, как Зак, длилась всего несколько месяцев. Периоды одиночества до следующей встречи оказывались куда более долгими. И она никак не могла решить, что хуже: пойти на связь не с тем, кто ей нужен, или оставаться одной. И то и другое было достаточно грустно, но иных возможностей ей жизнь вот уже много лет не предлагала.

Она надеялась сохранить отношения с Заком до конца рождественских каникул, потому что остаться на Рождество одной было бы уж совсем тяжело. Тимми переносила общество далеко не идеального мужчины, который к тому же не любит ее, не так болезненно, как одиночество в праздники и уик-энды. И потому мирилась с неизбежными разочарованиями и сдерживала раздражение, пока все оставалось в пределах терпимого. Он выполнял в ее жизни роль спутника – иногда не слишком пылкого любовника и не слишком надежного друга. Он был красив, обаятелен – когда хотел, и когда они бывали вместе на людях, оба получали от этого большое удовольствие. Он в общем-то был неплохой парень, не делал ничего дурного и раз или два в неделю согревал ее по ночам, что было вполне приятно. И когда они расстанутся – а они скоро неизбежно расстанутся, – она снова возьмет паузу на какое-то время и будет лелеять свое одиночество и убеждать себя, что одной ей лучше. По этому кругу она ходила и ходила вот уже одиннадцать лет, и сама это отлично понимала. Большинство одиноких женщин ее лет пытались решить ту же дилемму. Когда тебе сорок восемь и ты разведена, спрос на тебя не слишком высокий. А если ты еще и успешна, успех – препятствие в любви для женщины любого возраста. Тимми сознавала, что встретить мужчину, которого не отпугнули бы ее успех и возраст, который не попытался бы использовать ее в своих корыстных целях, а просто искренне полюбил такой, какая она есть, было бы чудом. Но в жизни Тимми уже давно не случались чудеса, и она перестала их ждать. Давно смирилась, что ее удел – такие пустоцветы, как Зак, и не искала для себя оправданий. С кем она встречается, это исключительно ее дело, больше никого это не должно интересовать. Она ни одному из своих возлюбленных не причинила зла, не подавляла их, расставалась, не затаив обиды, чего нельзя было сказать о них. Что ж, Тимми была аристократка до мозга костей.

Она сняла трубку и набрала лос-анджелесский номер Зака, а Джейд молча вышла из комнаты. За те годы, что она работает у Тимми, она перевидала немало таких, как Зак, они появлялись и исчезали, сменяя друг друга. И как же она их ненавидела. Да они и взгляда Тимми не достойны! Но Джейд также понимала лучше, чем кто бы то ни было другой, в каком неблагоприятном положении находится Тимми. Ей самой было очень трудно найти мужчину, с которым было бы можно связать свою жизнь, она знала, на какие компромиссы приходится идти, когда полюбишь женатого человека, как случилось с ней, но больше она никогда такого не допустит, довольна того, что она погубила десять лет своей жизни и осталась с разбитым сердцем. Ей начало казаться, что, может быть, Тимми легче с такими, как Зак, они похожи на мальчишек и только притворяются мужчинами. По крайней мере Тимми не тешила себя иллюзиями на их счет. Она в них не влюблялась, и когда наступала разлука, сердце ее не разбивалось. Ущерб оказывался не слишком велик. Она не рассталась со своими мечтами, да, собственно, мечты и не имели никакого отношения к Заку и ему подобным. Смазливая физиономия, великолепная фигура, легкость и обаяние – этого вполне довольно, еще полгода она не одна. Все хорошо и прекрасно, если ты, конечно, не требуешь большего

и помнишь, что это всего лишь компромисс. Единственная серьезная ошибка, которую ты можешь допустить, это пожелать большего. Но Тимми никогда ее не допускала. Она слишком хорошо знала правила игры и натуру своих партнеров. Защитила свое сердце крепкой броней и не ждала от них больше того, что они могли дать.

Зак ответил после второго гудка, и Тимми сразу поняла, что разбудила его.

– Привет, Зак, – прошептала она. – Мы только что прилетели в Париж, а я обещала тебе позвонить. Спи, спи. Я позвоню попозже. – И хотела положить трубку, но он заговорил. У него был низкий бархатный чувственный голос, особенно когда они были в постели или спростонья. Его внешность и голос приводили ее в восхищение.

– Нет, подожди... я не сплю... как Париж? Без меня полный отстой, верно? – Он подшучивал, но это была не вполне шутка, в его голосе слышалась обида, хоть он и не совсем проснулся. Как тут было не понять, что он все еще злится, он так хотел полететь с ней, а она его не взяла. Тимми не собиралась пускаться с ним в объяснения и в сотый раз втолковывать, что для нее эта поездка не развлечение, а работа.

– Именно отстой, в самое яблочко. – Она засмеялась, подумав, что он по крайней мере не изменяет своей натуре. Он вбил себе в голову, что она непременно должна взять его в Европу с собой. Они спорили и спорили чуть не целый месяц, и ей никак не удавалось урезонить его и убедить, что она должна будет работать во время этой поездки и потому поедет одна. – Тебе стоит еще поспать. Через час у меня начинается работа.

– Ну да, конечно, еще бы. Ты только это и твердишь. Но не можешь же ты работать все время. – Он говорил все это каждый раз, как она звонила ему во время поездки. Упрямым он был непрошибаемо и наверняка считал, что она смягчится и пригласит его к себе хотя бы к концу поездки, но она так и не пригласила.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но так оно и есть. Эти выездные презентации коллекций выматывают все силы. – Говорила она ему чистейшую правду, но он все равно ей не верил. Ему эти презентации представлялись сплошной феерией развлечений. Фотомодели, банкеты, пресса, блестящая тусовка в городах Европы с такими волнующими названиями. Предел мечтаний для молодого мужчины. Зак был бы на седьмом небе, согласись она взять его с собой. Но ей не хотелось, чтобы он ее отвлекал, когда она работает.

– Могла бы хоть нанять меня фотомоделью, – беззлобно упрекнул ее он, и она улыбнулась. Она знала, что именно этого он и добивается, а минимум его притязаний – бесплатный авиабилет. Никаких тайн и загадок, то, чего он сейчас требует у нее, ясно как день.

– Зак, в Европе всех фотомоделей выбирают сами, тебе это отлично известно. – Однако ему было отлично известно и другое: она могла бы сделать так, чтобы его взяли, но не пожелала, и это его уязвило. В ее власти было дать ему работу или даже придумать ее для него. Но Тимми твердо держалась правила: она не берет с собой на презентацию своих моделей-мужчин, с которыми встречается. Зачем смешивать работу и развлечения? Он был бы здесь не ко двору; другое дело, если бы она относилась к нему серьезно, но ничего подобного и близко нет, да и он серьезного чувства к ней не питает. Они просто пока встречаются, а это, по ее представлениям, не причина, чтобы дарить ему поездку в Европу. Он же был убежден, что она обязана взять его с собой, а по какой причине – оставалось для нее глубокой тайной. Она считала, что он требует слишком многого, и не уступала его напору. – И к тому же, мой дорогой, для таких дефиле ты староват, – добавила она вразумительно, без всяких эмоций. – Сейчас на подиум выходят совсем молоденькие мальчики, некоторым и двадцати нет.

– Европа дерьмо, – отрезал он, и она засмеялась. В каком-то отношении он был недалек от истины, но ее интересовало только одно: насколько высоким спросом здесь пользуется ее одежда.

– Слава богу, через две недели я буду дома. У меня такое чувство, будто я уехала год назад, – сказала Тимми, меняя тему разговора.

– И у меня тоже, – ответил он, и голос его прозвучал уже более нежно. Он и сам не ожидал, что будет так скучать по ней. И несмотря на все их споры перед поездкой, в которую она отказывалась его брать, он был к ней очень привязан. Она замечательная женщина и к нему очень хорошо относится. Он признавал, что она делает ему много доброго. – Ладно, давай скорей домой и рванем на Малибу. – Она знала, что он обожает ее виллу, которую окружают виллы голливудских звезд, и любит проводить там с ней уик-энды. Как, впрочем, любила и она. Это был один из пунктов их молчаливого соглашения, которое они заключили, когда начали встречаться: ее стиль жизни в обмен на его общество. Обоих это устраивало, и им было хорошо вместе.

– Я скоро вернусь, – заверила его она. – Чем ты занимаешься на этой неделе?

– Сегодня фотосессия в модельном агентстве, а завтра кастинг для рекламного ролика, – ответил он оживленно. Несмотря на свой возраст, он довольно часто получал работу.

– Надеюсь, ты пройдешь, – убежденно сказала она. Именно эти черты он больше всего и любил в ней: ее неизменную доброжелательность и оптимизм. Что бы ни случилось, она всегда умела поддержать. Если кто и не признавал поражений, так это она.

– И я надеюсь. Деньги нужны. – И он зевнул. Она представила себе, как он лежит в своей постели, такой молодой и красивый. Да, хорош он на редкость, ничего не скажешь, хоть и эгоист тоже редкостный. Против такой внешности трудно устоять. Отчасти поэтому она с самого начала и выделила его среди всех остальных. Приятно бывать на людях, когда тебя сопровождает такой красавец. По крайней мере сколько-то времени. – Ты смотри не очень-то там веселись в своем Париже. Я вообще-то надеюсь, – тут он хихикнул, – что твое пребывание там превратится в сплошной кошмар и ты без меня изведешься от тоски. Почему, собственно, ты должна радоваться жизни, когда у меня серость и скука? – Не слишком-то великодушное пожелание, но ее оно ничуть не удивило.

– Что ж, можно и так смотреть на жизнь, – резонно заметила она, чуть поморщившись циничной откровенности, с которой он выразил свою зависть. – Думаю, твое желание исполнится. Через полчаса я окунусь в работу и уже не вынырну до самого конца. Работа есть работа, даже в Париже.

– Зато здесь мы будем нырять вместе, люблю плавать с тобой голышом, – буднично отозвался он. Он здорово скучал по ней.

– Спасибо, а я с тобой. – «Только твое тело сейчас в лучшей форме, чем мое», – подумала она, но вслух этого не сказала. Зачем привлекать к этому его внимание, лишний раз напоминать о возрасте? Он всего на семь лет моложе, чем она, но тратит каждый день по несколько часов на поддержание своего тела в форме.

– Ладно, приезжай домой скорее, пока я тебя не забыл. – Сегодня он разговаривал с ней гораздо более приветливо, чем все прошлые дни, видно, уже почти простил. Он несомненно хотел поскорее ее увидеть, и ей это было приятно. У нее пока еще не возникало желания расстаться с ним. Пройдут рождественские каникулы, и там видно будет.

– Пришлю тебе снимок, – засмеялась она. – Попрошу Джейд сфотографировать меня в конце рабочего дня. – Засмеялся и он. Она умница, остроумная и веселая, ему все это в ней очень нравилось. Если честно, то нравилось даже больше, чем ему самому хотелось. Просто он злился из-за поездки. Но не настолько, чтобы поссориться с ней и расстаться. Предпочел дуться и капризничать, надеясь, что в следующий раз она все-таки возьмет его с собой.

– Привези мне что-нибудь из Парижа, – потребовал он совсем как маленький ребенок.

– Что например? – удивилась она.

Она всегда была очень щедра по отношению к нему, отдавала вещи из самых дорогих своих коллекций мужской одежды. Она знала, что они ему нужны, а ей это ничего не стоило.

Подарила на день рождения хорошие часы. Он был ей благодарен и принимал подарки без тени смущения.

– Например, Эйфелеву башню. Ну не знаю. Пусть это будет сюрприз.

– Посмотрим, что мне удастся отсюда вывезти. – Порой с ним приходилось разговаривать как с маленьким ребенком. Он был убежден, что она должна его баловать. Никто и не пытался делать вид, что их отношения зиждятся на равенстве, равенства в них никогда и в помине не было – ни эмоционального, ни интеллектуального, ни финансового. С такими мужчинами, как Зак, никакого равенства в отношениях и быть не могло. Разница в возрасте и в экономическом положении все перекашивала. Почти все время она чувствовала себя чуть ли не мамочкой-баловницей, и эта роль ее тяготила, он же был более чем доволен. Для нее равенство в отношениях осталось в прошлом, она была уверена, что такого в ее жизни больше никогда не случится. Это была цена, которой она расплачивалась за свой успех и свой возраст. – Прости, что разбудила тебя.

– А я рад, что разбудила. Может, сейчас встану и пойду в тренажерный зал.

– Хорошего тебе дня. Я скоро позвоню. Может быть, после уик-энда, – пообещала она. – В ближайшие дни буду крутиться как белка в колесе.

Точно так же, как крутилась в Нью-Йорке, Лондоне и Милане. Ему никогда не приходило в голову спросить, а как она, не устала ли. Он знал, что она способна сама позаботиться о себе, и исходил из того, что у нее все прекрасно.

– До встречи. – И он положил трубку.

Когда Джейд снова вошла в гостиную, Тимми сидела и все еще глядела на телефон.

– Как принц? – спросила Джейд, перехватив взгляд Тимми.

– Нормально, надо полагать. Все еще злится, что я не взяла его с собой, но полыхает уже не так сильно. Видно, постепенно смиряется, но пожелал, чтобы моя жизнь здесь без него превратилась в сплошной кошмар. – Тимми считала, что это смешно.

Джейд так не показалось.

– Уже превращается, – мрачно отозвалась она, кладя на стол перед Тимми пачку документов, которые надо было подписать. Хлынул поток новых факсов, требующих немедленного прочтения.

Тимми поглядела на Джейд отсутствующим взглядом. Разговор с Заком ее не просто разочаровал, а оглушил. При всей его поразительной бесчувственности она уже свыклась с ним, иногда ей было приятно проводить с ним время. Она принимала его таким, какой он есть. Мужчина, с которым она спит, а не мужчина, которого она страстно любит. Не всегда эти ипостаси совпадают, уж Тимми-то это знала. Приходится идти на компромиссы. И она шла, не желая оставаться в одиночестве. Но пожелать ей, чтобы без него ее жизнь превратилась в сплошной кошмар, было уж чересчур.

– Иногда я не знаю, зачем мне это все нужно, – вздохнула Тимми.

– Отлично знаешь, и я тоже знаю, – трезво сказала Джейд. Она всегда называла вещи своими именами, и Тимми любила ее за эту откровенность. – Потому что когда женщина одна, ей тяжело и одиноко. И потому мы соглашаемся на то, что жизнь нам предлагает. А предлагает нам жизнь таких, как Зак. Так оно и идет. Альтернатива – одиночество, и одиночество тоже не сахар. Волком взвоешь. То, что выбрала я – роман с женатым мужчиной, – еще хуже. Заки хотя бы не разбивают тебе сердце. Бросить они в конце концов могут, но твое сердце останется в целости и сохранности.

– Не всегда, – призналась Тимми. – Случается, они что-то у нас отнимают. Например, самоуважение, чувство собственного достоинства, ведь связываешься с таким дерьмом. Это довольно болезненная штука.

– А с женатым мужчиной, который не уходит от жены, разве иначе? Пропади все пропадом, Тимми, разве у нас есть выбор? Все стоящие мужчины давно женаты. – Эту мантру

Тимми слышала много раз. У нее была другая мантра: всех мужчин, во всяком случае стоящих, отпугивает ее успешность.

– Не может быть, чтобы все были женаты, – решительно возразила Тимми.

– Не может? Когда ты в последний раз видела достойного, порядочного мужчину, за которого хотелось бы выйти замуж и который был бы не женат?

– Не помню. – Тимми вздохнула и взяла из вазы шоколадку. – Меня все это не слишком волнует. Я не хочу больше настоящих, серьезных отношений. Зачем мне они в моем возрасте? Но и таких связей, как у меня с Заком, я, как мне кажется, тоже больше не хочу. Всегда кончается тем, что я чувствую себя кем-то вроде их мамочки, а они ждут, чтобы я исполняла все их прихоти. С меня хватит.

– Попробуй объяснить все это им, – колко отозвалась Джейд. – Может быть, нам обеим стоит уйти в монастырь? – Тут Джейд усмехнулась.

– Только сначала я создам новое одеяние для монахинь. Сейчас они выглядят безобразно, – мечтательно произнесла Тимми, словно и в самом деле загорелась этой идеей, и обе они рассмеялись. – У меня нет ответа. Ты еще молода, ты еще встретишь хорошего парня. Только смотри не пропусти его. А мне, в мои годы, уже все равно. Мне правда все равно, я это знаю. Выйти замуж – последнее, о чем я сейчас думаю... поэтому остается очередной Зак... или вовсе никого. Достойное одиночество. Кажется, я скоро буду опять готова к следующей порции этого самого одиночества. По-моему, наша связь находится при последнем издыхании. Меня это угнетает. Надоело играть роль дамы-благотворительницы для вздорных инфантильных мальчишек-моделей и актеришек и получать по носу, если я от этой роли отказываюсь. Откуда у этих сопляков берется уверенность, что все им обязаны? Хотелось бы мне так же верить в свои силы. С этими самовлюбленными мужиками слишком много хлопот. – Тимми пожала плечами. Хотя Зак был с ней относительно мил по телефону, разговор с ним ее не порадовал, а она так устала после трех недель показов, и настроение у нее было вовсе не лучезарное. Кто знает, захочется ли ей увидеть Зака, когда она вернется домой...

– Может быть, ты встретишь кого-нибудь здесь, в Париже, – с надеждой сказала Джейд. Ей и в самом деле так этого хотелось!

– Ты смеешься? Кого мы здесь видим? Девятнадцатилетних мальчишек-моделей из Чехословакии, злобных журналистов из левых изданий да коллег-дизайнеров, а все они либо женщины, либо голубые, а иногда и то и другое. Я никого не ищу. А если бы и познакомилась с кем-то, то география была бы против нас. Любовник в другом полушарии – только этого мне не хватало. Но спасибо на добром пожелании. – И Тимми положила в рот еще одну шоколадную конфету. У нее был прекрасный обмен веществ, и она могла позволить себе вольности, о которых большинство женщин мечтать не смеет.

– Попробую-ка я начать знакомиться по Интернету, когда вернемся в Америку. Четверо моих знакомых вышли в этом году замуж за мужчин, с которыми познакомилась в Интернете, – сказала Джейд с таким видом, будто и в самом деле решила так действовать.

– Будь очень осмотрительна. По-моему, это жутко опасно. – Тимми встала и принялась расчесывать волосы. Первый журналист придет уже через несколько минут. И закрутится бешеная карусель парижской жизни.

– А чего мне, собственно, бояться? – риторически спросила Джейд. – Я связалась с женатым мужиком, ты с разными подонками. Самое худшее, что меня ожидает, это познакомиться с обаятельным убийцей, который зарубил топором несколько человек, выйти за него замуж и нарожать от него кучу детишек. В тридцать восемь не приходится привередничать.

– В тридцать восемь ты можешь позволить себе привередничать сколько душе твоей угодно. Джейд, не сдавайся, – попросила Тимми серьезно.

Но она, как и Джейд, знала, что той больше лет, чем по душе большинству мужчин. Мужчине, вне зависимости от его возраста, хочется, чтобы женщине было не больше два-

дцати двух. Умные зрелые женщины уже давно вышли в тираж. И Тимми знала, что и сама она больше не котируется, и тому множество причин: возраст, финансовое положение, успешная карьера, известность, если не слава, поскольку ее имя значилось на одежде и на вещах домашнего обихода, которые покупают во всем мире, и это усугубляло положение. Притягивались к ней только такие прихлебатели, как Зак, а то и хуже. Она все еще размышляла об этом, когда Джейд вернулась и сказала, что первый журналист, с которым ей предстояло встретиться, ждет ее внизу, в фойе. Там было изумительное кафе, где подавали чай и вкуснейшее печенье. Тимми любила встречаться с представителями прессы или там, или в баре. Услышав, что пора идти работать, она вздохнула. Выглядела она прекрасно, но ее помощница видела, как сильно ее подруга устала.

– Пригласить его сюда? – спросила Джейд.

– Пожалуй, да, пригласи, – сказала Тимми негромко. Ей так не хотелось ни с кем встречаться. Выйти бы из отеля на улицу и долго-долго гулять по Парижу... Впереди три дня напряженнейшей работы, зато потом, в субботу и воскресенье, она сможет делать все, что захочет. Дожидаясь прихода журналиста, она опять вспомнила пожелание Зака: «Надеюсь, без меня твое пребывание в Париже превратится в сплошной кошмар». Да, слишком долго она встречалась с такими ничтожествами, как Зак. Его слова даже не возмутили ее. Она давно привыкла к тому, что мужчина красив и с ним приятно развлекаться, но ему никогда не придет в голову проявить заботу по отношению к ней, утешить ее, успокоить, хотя бы помассировать плечи, когда она устала. Она несла весь груз своей ответственности и все тяготы своей жизни одна. Иногда она чувствовала, что эта тяжесть давит на нее уж очень сильно. Как, например, сейчас.

Когда журналист вошел, она встала и улыбнулась. Он был высокий, худой, лысоватый, лицо злобное, явно будет требовать, чтобы она объяснила, а зачем, собственно, нужна мода. И вдруг она почувствовала, что и это ей тоже безразлично, сделала вид, будто рада встрече, с приветливой улыбкой пожала ему руку, предложила чай, кофе, указала на вазу с шоколадными конфетами.

– Неплохой отельчик вы себе выбрали, – заметил он, принимая чашку кофе, и съел четыре конфеты одну за другой. – Вам не стыдно жить в такой роскоши и тратить сумасшедшие деньги, которые вы получаете, эксплуатируя людей и наживаясь на их увлечении модой? – выпалил он, проглотив очередную конфету, и Тимми ласково улыбнулась ему, не зная, как следует ответить на такой идиотский вопрос. Да, день будет долгий, думала она, глядя на него, и пожелание Зака наверняка исполнится. Без него, здесь, ее жизнь уже превращается в кошмар. Но будь он рядом с ней, возможно, ей было бы еще хуже, ведь сейчас у него одно настроение, а через час другое. Как все зыбко в жизни.

Глава 2

Как Тимми и ожидала, оба ее послеобеденных интервью в среду оказались очень утомительными. Она давала такие интервью уже двадцать три года. Публичный аспект ее работы редко доставлял ей удовольствие. Она любила создавать модели, обдумывать новые идеи и представлять новые коллекции по нескольку раз в год. С тех пор как она прибавила еще несколько направлений к своей компании, это стало еще увлекательнее. Возможности открывались просто необъятные.

Очень важной сферой ее деятельности было представление коллекций готовой одежды в Нью-Йорке и в Европе. Она придавала им особенно большое значение, поскольку была единственным американским модельером, который показывал свои модели на подиумах и Америки, и Европы, и потому вкладывала особенно много сил в демонстрации своей готовой одежды. Особенно волновали ее показы сезонных коллекций, которые проходили два раза в год. Они должны были быть организованы безупречно, для нее это был вопрос чести. Она лично вникала в мельчайшие детали. Примерки и подгонка одежды, которая должна сидеть на фотомоделях идеально, выбор аксессуаров, которые должны идеально соответствовать одежде, бесконечные репетиции – за несколько дней такой лихорадки можно заработать язву. С людьми Тимми была всегда ровна и доброжелательна, но не дай бог, если что-то сорвется, если модель на подиуме выглядит не так, как надо, если у нее не та прическа, если она не так повернулась, сделала не то движение, складка не так лежит, – Тимми взорвется, как вулкан.

В пятницу во второй половине дня все до единой вещи были идеально подогнаны к фигурам моделей, которые будут их демонстрировать. Репетицию назначили на понедельник, и Тимми, закончив к вечеру переговоры с поставщиками тканей, вдруг осознала, что всю неделю она чувствует боль в животе. Она почти ничего не ела, и чем меньше ела, тем хуже себя чувствовала. Джейд, перед тем как ей с Дэвидом лететь в Лондон вечерним рейсом на самолете «Евростар», спросила Тимми, как она себя чувствует. Они решили провести уик-энд в Лондоне, Дэвид даже отказался от поездки в Прагу, чтобы лететь вместе с Джейд. Их ожидали три банкета, а он к тому же хотел непременно сходить в Галерею Тейт.

– Ты что, неважно себя чувствуешь? – еще раз спросила Джейд перед самым отъездом. Она встревожилась. Тимми была необычно бледна, да и всю неделю казалась нервной и взвинченной. Такое неудивительно перед демонстрацией коллекции. Тимми всегда волновалась перед показами, но сейчас она совсем извелась, и Джейд увидела, как плохо она выглядит. Измученная, обессиленная.

– Если честно, я чувствую себя отвратительно, – сказала Тимми и усмехнулась. – Наверное, просто устала. Лучше бы наш «безумный месяц» начинался с Парижа, а не кончался им. К тому времени как мы привозим сюда наши коллекции, я уже выматываюсь. Думаю, я слишком выложилась в Милане. – Хотя и там показ прошел очень хорошо, и Тимми осталась довольна. Она надеялась, что и в Париже все будет не хуже. Выбрала для Парижского дефиле лучших моделей, ее одежда выглядела на них просто великолепно.

– Постарайся за эти дни отдохнуть, – заботливо попросила Джейд Тимми, и в эту минуту в номер Тимми вошел Дэвид, пора было ехать в аэропорт. Их номера были напротив номера Тимми. – Тебе же ничего больше не нужно делать. Все готово. – Джейд знала, что Тимми очень нравятся ткани, которые она заказала для коллекции следующего года. Она нашла все, что ей хотелось, и договорилась с поставщиками, что они изготовят несколько сортов тканей специально для нее. А уж она создаст из них нечто совершенно необыкновенное. – Ты пойдешь здесь на какие-нибудь тусовки?

– Может быть, покажусь раз или два. – Многие модные дома в Париже давали банкеты, но «Тимми О» решила в этом году ничего не устраивать, это облегчало жизнь, и потому-

то у Джейд и Дэвида появилась возможность слетать в Лондон, иначе им бы не вырваться, пришлось бы весь уик-энд вкалывать с утра до ночи в Париже. Все они, конечно, знали, что вообще отвертеться от банкета им не удастся, придется отгрохать нечто грандиозное в феврале, когда они привезут сюда следующую коллекцию, но хотя бы на этот раз они не взваливают на себя эту обузу. – По-моему, у меня начинается грипп, – задумчиво сказала Тимми. – Мне надо хорошенько выспаться, и завтра я буду в норме. – Ей не хотелось идти ни в одно из своих любимых бистро, не было настроения, пожалуй, стоит попросить принести ужин в номер, лучше она спокойно проведет вечер здесь, одна. Закажет суп и потом сразу ляжет спать.

– Позвони нам, если мы вдруг зачем-нибудь понадобится, – напомнила ей Джейд и обняла ее на прощание. Она знала, что Тимми весь уик-энд будет в упоении бродить по Парижу, заходить в свои любимые магазинчики и кафе, если, конечно, не расхворается, но они с Дэвидом надеялись, что этого не случится.

– Ни за чем вы мне не понадобится. Развлекайтесь вовсю. – Они были еще молоды и с радостью летели в Лондон, чтобы обегать все интересные тусовки, и это после трех недель каторжной работы! Тимми заказала им столик в «Гарри баре» и оплатила ужин, и это был для них еще один подарок. Вскоре после того, как они уехали, она легла в горячую ванну и почувствовала, что ей лет сто, не меньше. После долгих изнурительных недель и особенно трудных последних дней в Париже было так приятно нежиться в глубокой ванне, в теплой воде.

И здесь, в ванне, она вспомнила Зака. После того утреннего звонка в день приезда она ему не звонила. Вроде бы никакой необходимости не было, а где она, он знает. Мог бы и сам позвонить ей, однако не звонил. И все же она о нем думала и, выйдя из ванны, послала ему коротенький e-мейл, просто так, для поддержания связи. Ей не хотелось рвать отношения, пока она не вернется. Потом вызвала официанта и попросила принести себе куриный суп, прочитала несколько страниц в книге, которую привезла с собой и до сих пор так и не открыла из-за недостатка времени, и в десять часов заснула.

В два ночи она проснулась от резкой боли в животе, и ее тут же вырвало, и потом рвало весь остаток ночи. Ей было так мучительно, что она еле держалась на ногах. Наконец после шести утра, когда парижское небо начало светлеть, она все-таки заснула. Заболеть в Париже, в городе, который она так любила, и лишиться счастья гулять по нему, любоваться, – этого она боялась больше всего. Как же ей не повезло, она подхватила грипп во время поездки, это ясно. Проснулась она уже в полдень и почувствовала, что ей лучше, только мышцы живота болели после бесчисленных приступов тошноты. Но сейчас ее больше не тошнило, и она наконец поднялась с кровати. Тяжелая выдалась ночь, но, кажется, худшее уже позади.

Она позвонила Жилю и попросила, чтобы он ждал ее в час дня. Потом заказала себе чай с тостом и подумала, не позвонить ли опять Заку, но вспомнила, что у него сейчас три утра. Странно, что ей порой так хотелось достучаться до него. Какой бы он ни был, но ведь он ее нынешний спутник жизни, пусть лишь на короткое время. Ночью, когда ей было так плохо, она чуть не позвонила ему, как того требовал простой инстинкт. Но не такие у них были отношения, чтобы она обратилась к нему в беде за утешением. У нее было сильное подозрение, что он бы посмеялся над ней или просто отмахнулся. За те четыре месяца, что они вместе, она имела возможность убедиться, что сострадание ему свойственно в минимальной степени. Когда она говорила, что у нее был трудный день и что она устала, он пропускал ее слова мимо ушей и предлагал куда-нибудь пойти, и она несколько раз соглашалась, чтобы доставить ему удовольствие, забывая о себе и думая только о нем... Тимми приняла душ, надела джинсы и свитер, удобные туфли и вышла из отеля. Ее уже дожидался Жиль, как он и обещал ей, и, увидев ее, тут же заулыбался.

Он провез ее по всем ее любимым местам, но к четырем часам она опять почувствовала, что ей плохо. Она дорожила каждой минутой своего времени в Париже, и ей хотелось побывать еще в пассаже Дидье Людо в Пале-Рояле, порыться в его коллекции винтажной одежды, однако она в конце концов решила отказаться от визита туда и вернуться в отель. У нее не было сил ходить по бутикам. И, вернувшись в «Плаза Атене», она сразу же легла в постель. В семь ее опять начало тошнить, выворачивало наизнанку еще более мучительно, чем ночью. Непонятно, что за вирус она подхватила, но вирус этот был скверный, через два часа ей казалось, что она умирает. Она еще раз доплелась до ванной, а возвращаясь в постель, чуть не потеряла сознание. Начала подкрадываться паника, хоть Тимми и не хотелось признаваться в этом самой себе. Проплакав в постели с полчаса, она стала думать, что, наверное, надо найти врача. Конечно, у нее желудочный грипп, это ясно, но уж очень плохо она себя чувствует. И тут она вспомнила о враче, которого ей рекомендовал кто-то из нью-йоркских друзей, – мало ли что может случиться в Париже. В ее записной книжке сохранился клочок бумаги с телефоном его клиники и с номером мобильного телефона. Она не без колебаний позвонила на его мобильный и оставила сообщение, а потом легла и закрыла глаза. Ей было страшно, что она так сильно заболела. Она ненавидела болеть в поездках, вдали от дома. Опять захотелось позвонить Заку – господи, ну какая же она идиотка! Ну что она ему скажет? Что у нее грипп и что ей ужасно плохо? Джейд и Дэвиду она тоже решила не звонить, зачем их тревожить, поэтому просто лежала в постели и ждала, когда доктор ей отзвонится. Отзвонился он очень скоро, буквально через несколько минут, что ее приятно удивило, и сказал, что приедет к ней в гостиницу к одиннадцати часам.

Как только доктор вошел в гостиницу, ей позвонил швейцар и сказал, что он поднимается к ней. Тимми не рвало уже почти два часа, и она надеялась, что это хороший знак и что она идет на поправку. Как глупо было беспокоить доктора по такому явно незначительному поводу, хоть и очень для нее неприятному, тем более что он вряд ли сможет ей чем-то помочь. Она чувствовала себя очень неуверенно, открывая ему дверь после того, как он постучал, и уж совсем растерялась, увидев высокого красивого мужчину чуть за пятьдесят в безупречно элегантном черном костюме и белой рубашке. Его скорее можно было принять за бизнесмена, чем за врача. Он представился – доктор Жан-Шарль Вернье. Она стала извиняться за то, что испортила ему субботний вечер, но он сказал, что был на ужине совсем рядом и она ничуть его не потревожила. Он будет рад ей помочь, хотя вообще не посещает пациентов в гостиницах. Тимми знала, что он врач-терапевт и пользующийся большим авторитетом профессор медицинского факультета Университета Рене Декарта. Прочитав сообщение Тимми в своем мобильном телефоне, он тотчас оставил общество, с которым ужинал, хотя статус его был несколько выше, чем требовалось для того, чтобы оказать любезность нью-йоркскому приятелю Тимми. Тимми была счастлива, что записала тогда имя доктора и номер его телефона и теперь могла позвонить ему, а не вызывать кого-то совершенно незнакомого, кого бы ей предложили в отеле. Как хорошо, что к ней пришел известный в Париже и всеми уважаемый врач.

Он вошел следом за Тимми в гостиную и увидел, что она идет медленно и неуверенно, а лицо у нее, при том что она рыжая и, значит, от природы белокожая, слишком уж бледное. Заметил, что она вздрогнула, садясь, словно у нее все тело болело, и так оно и было на самом деле. Ей казалось, что все ее мышцы кричат от боли. Ведь ее рвало целые сутки.

Доктор был немногословен. Он измерил температуру, прослушал легкие. Сказал, что жара нет, легкие чистые, и попросил лечь. Когда он убирал свой стетоскоп, она увидела на его левой руке обручальное кольцо и не могла не отметить, что он очень красивый мужчина: глаза серо-синие, волосы все еще русые, хотя на висках серебрится благородная седина. И невольно мелькнула мысль, что на нее сейчас страшно смотреть, хотя ей это совершенно безразлично. Слишком ей сейчас плохо, как она выглядит, так и выглядит. Она легла, он обод-

ряюще улыбнулся ей и стал осторожно прощупывать ее живот, потом нахмурился. Попросил ее подробно описать, что с ней было, снова нажимал живот в разных местах и спрашивал, больно или нет. Особенно чувствительным было место вокруг пупка, и когда он к нему прикоснулся, она вскрикнула от боли.

– Это всего лишь грипп, я уверена, – стала убеждать доктора Тимми, хоть и испугалась. Он улыбнулся. Он очень хорошо говорил по-английски, правда, с французским акцентом, да и по внешнему виду можно было сразу сказать, что он француз, только более высокого роста, чем большинство мужчин во Франции.

– Вы к тому же еще и врач? – спросил он ее не без лукавства. – А не только знаменитый модельер? Я должен желать вам всяческого зла, ведь вы меня разоряете. Моя жена и обе дочери вечно покупают вашу одежду.

Она улыбнулась его словам, а он пододвинул стул к кровати и сел, чтобы поговорить с ней. Он видел, что ей страшно.

– У меня что-то ужасное?

Ночью она в какую-то минуту решила, что у нее, наверное, рак или по крайней мере прободение язвы, но когда ее рвало, крови не было. Она надеялась, что это утешительный знак, но его взгляд ей не понравился. Чутье подсказывало, что ей не понравится и то, что он скажет, и чутье ее не обмануло.

– Я не считаю, что у вас что-то ужасное, – осторожно произнес он. Она в волнении теребила длинную прядь своих рыжих волос и в этой огромной кровати вдруг показалась ему испуганной маленькой девочкой. – Однако я немного обеспокоен. Мне бы хотелось отвезти вас сейчас в клинику и сделать несколько анализов.

– Зачем? – Она глядела на него широко раскрытыми глазами, и он понял, что ее страх перерос в панику. – Что это такое, как вы думаете? – К ней вернулась уверенность, что у нее все-таки рак.

– Я ничего не могу сказать определенного без УЗИ и томограммы, но думаю, что у вас, возможно, приступ аппендицита. – Он был почти уверен в этом, но не хотел ставить официальный диагноз без обследования на приборах. – Я бы хотел отвезти вас в Американский госпиталь в Нейи. Это очень приятное место, – сказал он ободряюще, потому что глаза ее стали наполняться слезами. Он знал, что Американская клиника испугает ее меньше, чем Пти-Сальпетриер, где он также работал. Ему была предоставлена привилегия посещать пациентов и в Американской клинике, но он редко пользовался этой привилегией.

– Но мне нельзя! У меня во вторник показ коллекции, а в понедельник репетиция. Я должна быть там, – пролепетала она вне себя от ужаса и увидела, что он нахмурился.

– Поверьте мне, мадам О'Нилл, что если ваш аппендикс прорвется, вы никак не сможете быть на показе. Понимаю, ваш показ очень важная вещь, но не сделать обследования сейчас было бы верхом безответственности.

Он видел, что состояние ее очень тяжелое.

– А если это аппендикс, меня придется оперировать? – спросила она прерывающимся голосом, и он ответил ей не сразу. Его можно было принять за элегантного гостя на чопорном светском банкете в ресторане отеля, который заглянул к ней в апартаменты, но при всей своей светскости говорил он как опытный серьезный врач, и ее испугали его слова.

– Возможно, – наконец произнес он. – Мы будем знать это более точно после обследования. С вами когда-нибудь такое случалось? Или что-то подобное, в последние несколько дней или недель? – Она покачала головой.

В последнюю ночь в Милане ее слегка подташнивало, но она подумала, что это из-за еды. За ужином она ела белые итальянские трюфели с пастой, сумасшедше дорогое блюдо. Джейд и Дэвид тоже чувствовали потом тяжесть в желудке, и все согласно решили, что в ее недомогании повинны белые трюфели. В Милане ее не рвало, а вот две последние ночи...

Наутро после ужина с трюфелями она чувствовала себя прекрасно. Доктору она о том случае не стала рассказывать из страха – вдруг он решит, что она больна уже давно, и станет еще решительнее настаивать на немедленном обследовании.

– Мне кажется, я чувствую себя лучше. Меня уже несколько часов не рвало.

Она упрямилась, как ребенок, и его это совсем не умиляло. На кой черт ему сдались несговорчивые пациенты посреди ночи, он не привык иметь дело с иностранцами-знаменитостями и упертыми американками. Жан-Шарль Вернье привык к тому, что его больные и его студенты выполняют все, что он им велит. Он был известный профессор, и к его мнению относились с неизменным уважением. Он сделал вполне правильное заключение, что она одержима своей работой.

– Может быть, мне сейчас стоит отдохнуть, посмотрим, как я себя буду чувствовать завтра, и тогда все и решим? – Она с ним торговалась, и он рассердился, в его взгляде появилось нескрываемое раздражение. Ему было ясно, что она ни за что не хочет ехать в клинику и старается от нее отвертеться. Она же понимала, что если туда попадет и ей сделают операцию, показ во вторник пройдет через пень колоду. У нее не было уверенности, что кто-то другой, даже Джейд и Дэвид, способен провести его с таким блеском, как она. За всю свою карьеру художника-модельера она не пропустила ни одного показа своей коллекции. И к тому же у нее не было ни малейшего желания делать операцию во Франции. Она займется всем этим, когда, бог даст, вернется домой, или хотя бы в Нью-Йорк. – Давайте все-таки подождем еще один день? – попросила она, глядя на него своими зелеными глазами, которые казались очень большими и темными на мертвенно-бледном лице.

– Очень скоро может наступить ухудшение. Если аппендикс и в самом деле воспалился, вы же не хотите, чтобы он прорвался?

От этих слов ее пробрала дрожь. Ее совсем не привлекала перспектива того, что внутри ее что-то разорвется.

– Конечно, не хочу, но, может быть, он и не прорвется. Может быть, у меня что-то другое, не такое страшное, вроде желудочного гриппа? Я вот уже три недели нахожусь в путешествии.

– Вижу, вы очень упрямая женщина, – сказал он, сурово глядя на нее с высоты своего внушительного роста. – Не вся жизнь заключается в работе. Нужно заботиться и о своем здоровье. Вы путешествуете не одна? – деликатно спросил он, хотя было件нятно, что в апартаментах, кроме нее, никого нет. Другая половина постели была не смята.

– С двумя помощниками, но они улетели на выходные в Лондон. Я могу полежать в постели до понедельника, и даже если это аппендицит, может быть, приступ пройдет.

– Возможно, но, судя по всему, острое состояние у вас продолжается уже около двух суток. Это плохой знак. Мадам О’Нилл, я должен сказать вам, что, по моему мнению, вам следует поехать в клинику.

Он говорил строго, и по его выражению лица было ясно, что он серьезно рассердится, если она откажется выполнить его предписание. Ее раздражала его настойчивость, а его – ее упорство еще больше. Глупая, непрошибаемая, избалованная особа, думал он, привыкла делать только то, что хочется. Еще одна американка, помешанная на деньгах и на работе. Ему встречались такие пациенты и раньше, хотя трудоголики, которых он лечил, почти все были мужчины. Пренеприятнейшая ситуация. Он – известный уважаемый врач, у него большая практика и нет ни времени, ни желания убеждать больную, которая отказывается от его помощи, пусть она хоть трижды знаменитость. В своей профессии и в своем мире он не меньшая величина, чем она.

– Я хочу подождать, – упрямо повторила она. Он понял, что ее ничем не прошибить. Как это ни глупо, она недоступна доводам здравого смысла.

– Я вас понимаю, но согласиться с вами не могу. – Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и рецептурные бланки из своего докторского чемоданчика. Написал что-то на бланке и протянул его ей, она взглянула на бланк, надеясь, что он прописал ей какое-то чудодейственное средство, от которого она сразу поправится. Но вместо прописи увидела номер его мобильного телефона. Тот же самый номер, по которому она ему звонила. – Номер моего телефона вы знаете. Я высказал вам свое мнение относительно того, что вам следует делать. Если вы не пожелаете воспользоваться моими рекомендациями и если вам станет хуже, позвоните мне в любое время дня и ночи. Но тогда я уже буду настаивать, чтобы вы легли в клинику. Вы согласны поступить так, как я вам предлагаю, если вам не станет лучше и если, напротив того, вы почувствуете себя хуже? – говорил он ледяным тоном и очень жестко.

– Да. Тогда я соглашусь, – подтвердила она. Все, что угодно, только бы выиграть время. Она должна продержаться до вечера вторника и не имеет права допустить, чтобы ей стало хуже. А там, бог даст, все и пройдет. Может быть, у нее и в самом деле всего лишь желудочный грипп и доктор ошибся. Она от души надеялась, что он ошибся.

– Значит, мы договорились, – сухо произнес он, встал со стула и поставил его туда, где он стоял раньше. – Я настаиваю на своей рекомендации ради вашего блага. Звоните мне без колебаний. Я отвечаю на звонки в любое время дня и ночи. – Он хотел, чтобы она осознала, что положение серьезное, но не хотел казаться слишком грозным и слишком уж ее запугивать, ведь тогда она из страха не посмеет позвонить ему, если ей станет хуже.

– А вы не можете мне чего-нибудь прописать на тот случай, если опять станет плохо? Ну, чтобы прекратилась тошнота? – Ее и сейчас подташнивало, подташнивало все то время, что она лежала в кровати и разговаривала с ним, но признаваться ему в этом она не хотела. Она сегодня ночью в клинику не поедет, не поедет, и все. Может быть, он просто перестраховщик, а то и просто трус, не желает рисковать, убеждала она себя. Боится, что ему предъявят обвинение в недобросовестности, если он хотя бы не предложит ей лечь в клинику. Ментальность у нее была предельно американская и совершенно чуждая доктору.

– Это было бы неразумно, – сухо ответил он в ответ на ее просьбу. – Что бы у вас ни было, я не хочу смазывать картину. Для вас это опасно.

– Несколько лет назад у меня была язва, может быть, сейчас она снова открылась?

– Тем больше оснований сделать ультразвуковое обследование. Скажу вам со всей серьезностью: я буду настаивать на этом до вашего отъезда из Парижа. Когда вы уезжаете?

– Не раньше пятницы. Я могу приехать в клинику в среду к вечеру, когда закончится показ. – Она надеялась, что к тому времени окончательно поправится.

– Надеюсь, так вы и сделаете. Позвоните мне в среду утром, я договорюсь об ультразвуковом обследовании для вас. – Говорил он деловито и холодно, и Тимми решила, что его самолюбие уязвлено, потому что она не пожелала последовать его совету.

– Спасибо, доктор, – тихо произнесла она. – Простите, что заставила вас прийти сюда из-за пустяка. – Она говорила так искренне, что у него мелькнула мысль, а может быть, она на самом деле вполне милая, приятная женщина? Бог ее знает, до сих пор он видел только, до какой степени она упряма и как привыкла всегда настаивать на своем. Его это не удивляло, ведь он знал, кто она. И решил, что она, видимо, привыкла управлять всеми и всем в своем мире. Единственное, что ей не подчинялось, это ее здоровье.

– Нет, не из-за пустяка, – вежливо возразил он. – Вы чувствовали себя очень плохо. – Он правильно угадал, что она принадлежит к людям, которые вызывают врача лишь в том случае, когда им кажется, что они умирают или близки к этому. Жан-Шарль согласился посмотреть ее, делая любезность своему нью-йоркскому пациенту, который оказал ей протекцию. И еще потому, что услышал в голосе Тимми отчаяние еще до того, как она назвала ему свое имя.

– Верно, но сейчас мне лучше. Знаете, а вы испугали меня, – призналась она, и он улыбнулся.

– Надо было сильнее испугать, чтобы вы поехали делать ультразвуковое обследование сейчас. Так и надо бы сделать, я убежден. Не ждите, пока станет совсем плохо, звоните сразу. Иначе может быть слишком поздно, и если это аппендикс, он прорвется.

– Постараюсь, чтобы до среды у меня нигде ничего не прорывалось, – усмехнулась она. Он взял свой чемоданчик. Несмотря на все свое дикое упрямство и нежелание считаться с ним как с врачом, она была ему почему-то симпатична.

– Надеюсь, ваш показ пройдет удачно, – вежливо пожелал он, посоветовал ей не вставать до показа с постели, как можно больше отдыхать весь завтрашний день и вышел.

Дверь за ним закрылась, но Тимми продолжала лежать в постели, ей было очень страшно, и при этом она чувствовала, что избежала какой-то катастрофы. Она наотрез отказалась поехать сейчас в клинику. Одна мысль об этом наводила на нее ужас. Она ненавидела больницы и даже, случалось, врачей. Бывала у них редко и то лишь когда чувствовала, что ей совсем плохо, а сейчас, что греха таить, был именно тот самый случай. Тимми полежала не двигаясь несколько минут и позвонила Заку. Ей было очень страшно и одиноко, и она потянулась к нему. Тревожить Дэвида и Джейд в Лондоне не хотелось. А в Лос-Анджелесе сейчас три часа дня, она наверняка застанет его дома. Он часто бывает в это время дома, особенно по субботам. Он уже вернулся из тренажерного зала, и где бы ни собирался провести вечер, идти туда еще рано. Но когда она позвонила сначала на домашний телефон, а потом на мобильный, ей ответил автоответчик, и единственное, что она могла сделать, это оставить ему сообщение, сказать, что она заболела и просит его отзвониться. Ей необходимо было с кем-то поговорить, а поскольку он – мужчина, с которым она спит, то при всей кратковременности их отношений он казался ей самым подходящим собеседником. Хотелось услышать знакомый голос, который утешит ее хоть ненадолго, хотелось, чтобы через темноту к ней протянулась дружественная рука.

Она полежала еще около часа не шевелясь, с тревогой думая о том, что говорил доктор, и наконец примерно в половине второго заснула. Ее за это время ни разу не вырвало. Зак ей не отзвонил. Где он мог быть? Она понятия не имела.

Наутро она проснулась в десять и – о чудо! – почувствовала, что ей стало лучше. Позвонила Жилю и сказала, что сегодня никуда не поедет. Она надеялась побывать в базилике Сакре-Кёр, послушать пение монахинь, которое ей так нравилось, но решила, что разумнее остаться в постели и не провоцировать болезнь. Весь день она спала, просыпалась, снова засыпала, пила куриный бульон, потом чай, и наконец к вечеру заказала немного риса. К тому времени как уже поздно вечером вернулись Джейд и Дэвид, она чувствовала себя лучше. Они были в восторге от поездки, благодарили ее за ужин в «Гарри баре», рассказывали о тусовках, на которых побывали, Дэвида переполняли впечатления от посещения Галереи Тейт. Тимми не сказала им ни слова о том, как ей было плохо, как она вызывала врача, как врач настаивал, чтобы она ехала в клинику на обследование и только благодаря какому-то чуду она избежала этого кошмара. Заснула она рано, а утром в понедельник проснулась с таким ощущением, будто никакого приступа у нее и не было, и потому решила, что доктор ошибся, хоть он и светило в медицинском мире. Ясно, что это всего лишь желудочный грипп. С чувством великого облегчения она надела джинсы, черный свитер и черные туфли-балетки и спустилась вниз, чтобы проводить репетицию в номерах, которые они сняли на двое суток для демонстрации своей коллекции.

Во время репетиции царила полная неразбериха. Но так бывало всегда. Фотомодели опоздали, выходили на подиум не оттуда и шли не туда, никто ничего не понимал, освещение установили не так, как надо, диски с музыкой, которые они привезли с собой, куда-то запропастились, нашли их только после того, как все разошлись. За многие годы Тимми привыкла

к подобному хаосу на репетициях и теперь вдвойне радовалась, что не позволила уговорить себя лечь в клинику, где ей, возможно, без всякой необходимости удалили бы аппендикс. Она не доверяла французской медицине. Вечером она даже поужинала с Джейд и Дэвидом в ресторане отеля «Вольтер», и потом они все заглянули на банкет неподалеку. Оплачивал его Диор, и, как всегда на подобных мероприятиях, антураж поражал баснословной роскошью. Под люцитовым полом сияла вода бассейна, всюду расхаживали фотомодели топлес, и в три ночи, когда они наконец вернулись к себе в отель, Тимми едва держалась на ногах и тотчас же легла в постель. И с радостью подумала, что хоть она и смертельно устала, но больной себя вовсе не чувствует. Ни тени недомогания, какое счастье, что доктор ошибся.

Насколько на репетиции все шло вкривь и вкось, настолько гладко, как по маслу, прошла на следующий день презентация. Тимми не уставала радоваться, что сама за всем проследила. Упусти она хоть одну мелочь, в суете обязательно потеряли бы какие-то важные детали, она была в этом уверена. Доверить показ коллекции кому-то другому? Да ни за что на свете! Все они поздравили друг друга, и в восемь вечера Джейд и Дэвид вылетели в Нью-Йорк. Это была последняя демонстрация, им теперь предстоит провести несколько дней в Нью-Йорке, потому что там назначены деловые встречи, и всё – можно наконец возвращаться в Лос-Анджелес.

Тимми планировала вернуться в пятницу и провести субботу и воскресенье в Нью-Йорке, посетив сначала их фабрику в Нью-Джерси. На понедельник и на вторник у нее были назначены деловые встречи, а вечером во вторник они все полетят домой, в Лос-Анджелес. И вдруг в какой-то миг Тимми осознала, что Зак ей так и не отзвонился. Наверняка наказывает ее за то, что не взяла его с собой в Париж, и с тем большим злорадством, что прослушал ее сообщение на автоответчике, где она пожаловалась ему, что заболела. Мог ли он упустить такой замечательный повод и не поиздеваться над ней, тем более что его пожелание исполнилось. Раз она заболела, значит, ей плохо без него в Париже, зачем же он будет ей звонить. То, что она болеет и, возможно, жизнь ее действительно превратилась в кошмар, давало ему некое чувство превосходства над ней. Грустно, но Тимми знала, что душа у него мелкая и что он способен подолгу таить зло.

Она так устала после презентации и общения с несколькими журналистами и редакторами из «Вог», с которыми пришлось что-то пить в баре, что заказала ужин себе в номер. Джейд и Дэвид уже летели в Нью-Йорк. И Тимми, и ее помощники были без сил после напряженнейших недель представления коллекции готовой одежды. А представление ее не только в Нью-Йорке, но и в Европе, ложилось на них двойной тяжестью, и сейчас Тимми с трудом поднялась к себе. Не прикоснувшись к поданному ей ужину, она рухнула на кровать, не раздеваясь, и заснула.

Когда она проснулась, то не могла понять, который сейчас час. За окнами было темно, и единственное, что она ощущала, это режущую боль в правом боку. Боль была такая сильная, что она не могла вздохнуть, и сейчас у нее уже не было сомнений, что это такое. Доктор Вернье все-таки оказался прав. Она лежала на кровати и плакала, в отчаянии пытаясь нащупать на прикроватной тумбочке листок бумаги с его телефоном. Ее охватила паника, но листок все-таки нашелся, и она, корчась от боли, набрала номер его мобильного телефона. И тут увидела, что часы показывают четыре утра. Знала она только одно: с ней случилась беда, и беда большая. Он ответил после второго гудка, и она с трудом что-то произнесла. Сначала он ее не узнал. Она всхлипывала, борясь с болью и ужасом, но ей все-таки удалось назвать свое имя, и тогда он понял, кто это. И догадался, как минуту раньше догадалась она, что произошло. Аппендикс прорвался или вот-вот прорвется, это ясно как день. Она не звонила ему три дня, и он стал надеяться, что все обошлось и что он ошибся со своим диагнозом. Увы, ничего не обошлось, и он не ошибся.

– Доктор, простите ради бога, что звоню вам так поздно... – бормотала она, задыхаясь и всхлипывая, – я... у меня такие сильные боли... мне...

– Понимаю. – Ей не надо было ничего ему объяснять, он мгновенно проснулся и был собран и спокоен. – Я немедленно высылаю за вами машину «Скорой помощи». Оставайтесь в постели. Не двигайтесь. И не одевайтесь. Когда вы подъедете к клинике, я вас там встречу. – Он говорил ясно, твердо и уверенно, с профессиональным спокойствием, и она почувствовала, что ему можно довериться.

Он понимал, что она в крайнем отчаянии и в большой опасности. В такой ситуации медлить нельзя.

– Я ужасно боюсь... – И она заплакала не таясь, совсем как маленькая девочка. – У меня такие боли... что вы будете делать? – Ей не надо было спрашивать, она и без того все знала, и он не дал ей прямого ответа. Он просто успокаивал ее и говорил, что бояться совершенно не надо.

– Ваши помощники с вами? – Он вспомнил, что в прошлый раз она была одна. Это произвело на него тяжелое впечатление, и он сейчас тревожился за нее. Какая глупость, что она отказалась от обследования три дня назад, но что сейчас об этом вспоминать. Нужно как можно скорее отвезти ее в клинику и передать в руки хирургов. Они обследуют ее уже в операционной, готова к операции.

– Они улетели в Нью-Йорк, – прошептала она.

– Вы одна?

– Да.

– Пусть кто-нибудь из прислуги отеля побудет с вами. А я вызову «Скорую помощь». Мадам О'Нилл, все будет хорошо, – сказал он уверенно и спокойно, но его уверенность и спокойствие не прогнали ее панику.

– Нет, все плохо, я знаю. – Она плакала навзрыд, как ребенок, и он подумал, что наверняка дело не только в аппендиксе, который вот-вот прорвется, есть еще какая-то беда! Она смертельно испугана, но он не хотел терять время.

– Когда вы приедете в клинику, я вас там уже буду ждать, – произнес он спокойно и разъединился. Выбора у нее не было. Заботясь о ней, он отправляет ее в Американскую клинику, а не в больницу университетского комплекса Пти-Сальпетриер, где работает и преподает сам. И в клинике, и в больнице он пользовался особыми привилегиями.

Тимми вызвала горничную, та через несколько минут пришла, села рядом, заботливо взяла за руку и так просидела с ней до приезда санитаров, санитары уложили Тимми на каталку, накрыли одеялами и быстро покатали по пустым коридорам отеля. Появление санитаров вызвало в вестибюле отеля немалый переполох: когда ее вывозили, вышел дежуривший в ту ночь помощник администратора. Через несколько минут машина «Скорой помощи» уже мчала Тимми по ночным улицам Парижа, а она тихонько плакала. Санитары не говорили по-английски и потому не могли ее успокоить. Наконец приехали и стали выносить ее из машины, ее глаза расширились от непереносимого ужаса, и первое, что она увидела, оказавшись во дворе больницы, был доктор Вернье, который ее уже ждал. Он взглянул на ее лицо, молча взял за руку и так и держал, пока ее быстро катили по коридорам клиники к операционной, где уже готовились ее оперировать.

– Я попросил приехать одного из лучших хирургов Парижа, – негромко сказал он, когда Тимми вкатывали в ярко освещенную операционную, и она поглядела на него глазами полными ужаса.

– Я боюсь, – прошептала она, сжимая его руку, боль была такая сильная, что только на это усилие она и была способна. – Прошу вас, не бросайте меня здесь одну. – И она громко всхлипнула. Он кивнул и улыбнулся ей. В эту минуту к ним подошла сестра с бумагами, которые ей надлежало подписать. Он объяснил Тимми, что это за бумаги, и спросил, кому

они должны сообщить, что она находится здесь и что ситуация осложнилась, если она и в самом деле осложнится. Тимми задумалась на минуту и потом сказала, что никому звонить не надо. Ближайшим родственником она назвала Джейд Чин, объяснив им, что она ее помощница и ее можно будет найти в гостинице «Времена года» в Нью-Йорке. Дала номер ее мобильного телефона, но просила позвонить ей только в том случае, если случится что-то непредвиденное. Нет никакой необходимости тревожить ее сейчас, ведь она ничем не может ей помочь из Нью-Йорка. Он слушал Тимми и думал, как грустно, что у этой женщины, которая имеет так много, так знаменита и почитаема во всем мире, нет никого, кроме секретаря, кому можно было бы позвонить и сказать, что она заболела. Как много это открыло ему о ее жизни, о решениях, которые она принимала, и о цене, которую ей приходилось за эти решения платить. Ему стало жаль ее, и пока ей делали ультразвуковое обследование, он держал ее за руку. Диагноз, который он поставил три дня назад, оказался правильным. Ее аппендикс прорвался, и гной хлынул в полость живота.

– Пожалуйста, не оставляйте меня, – прошептала Тимми и судорожно вцепилась в его руку, он ответил успокаивающим рукопожатием.

– Конечно, не оставлю, – тихо проговорил он, наблюдая, как анестезиолог готовит ее к наркозу. Он действовал очень быстро, сейчас было ясно, что положение довольно опасное. Предстояло удалить остатки ее аппендикса и по возможности собрать вытекший гной. Пока анестезиолог говорил Тимми что-то по-французски, а Жан-Шарль переводил, по-прежнему держа ее за руку, она неотрывно смотрела ему в глаза.

– Вы останетесь, даже когда я засну? – спросила она. По ее лицу опять полились слезы.

– Останусь, если вы хотите. – От него веяло таким спокойствием, уверенностью, силой. Весь его облик убеждал ее, что на него можно положиться. И вдруг она почувствовала, что доверяет ему безоголочно.

– Я... да... я хочу, чтобы вы остались... и пожалуйста, зовите меня Тимми... – Переводя ей слова анестезиолога и объясняя, что будет происходить, он называл ее «мадам О'Нилл». Какое счастье, что она ему позвонила! Рядом с ней сейчас находится знакомый человек, она уже встречалась с Жан-Шарлем, ей рекомендовал его ее добрый друг в Нью-Йорке как прекрасного врача. Она знала, что находится в хороших руках, но все равно ей было страшно.

– Я здесь, Тимми, – сказал он, все так же держа ее за руку и твердо глядя ей в глаза своими сине-серыми глазами. – Теперь все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось. Через минуту вы заснете. А когда проснетесь, я буду рядом с вами, – пообещал он с улыбкой. Как только она заснет, он выйдет и наденет куртку, брюки и колпак хирурга и будет присутствовать при операции, как обещал. Он всегда выполняет свои обещания, его больные знают, что он их не подведет, и Тимми сейчас это тоже почувствовала.

Вот анестезиолог наложил ей на лицо маску. Она все смотрела в глаза Жан-Шарлю, а он все продолжал говорить... несколько мгновений, и она заснула. Он быстро вышел из операционной, облачился в костюм хирурга, надел маску и стал мыть руки, невольно думая о женщине, которую сейчас начали оперировать, о том, как многого она лишила себя в жизни, чтобы добиться своего фантастического успеха, и вот теперь у нее нет ни единого человека, которому она могла бы позвонить в беде и который был бы рядом с ней и держал ее за руку. Когда она уходила в наркоз, он подумал, что никогда не видел таких печальных глаз и такого страха перед одиночеством. И еще ему показалось, когда он стоял рядом с ней, что держит за руку испуганного, всеми брошенного ребенка.

Как и обещал Жан-Шарль, все время, что длилась операция, он простоял возле Тимми. Все прошло удачно, хирург был доволен. Хирургическая бригада собралась уходить, ее повезли в послеоперационную палату, и Жан-Шарль Вернье пошел туда за ней. Он совсем ее не знал, три дня назад сердился на нее за упрямство и глупость, но сейчас он всем серд-

цем, всей душой, всем своим существом ощущал, что, кто бы она ни была, что бы ни происходило в ее жизни до этой ночи, он не может оставить ее одну. Кто-то должен быть с ней рядом. А кроме него, у Тимми никого нет. Ему открылось великое одиночество и великая неприкаянность ее души.

Когда она очнулась от наркоза в послеоперационной палате, то увидела его, он стоял рядом с ней. Она была еще словно в дурмане от транквилизаторов, которые в нее вкололи, но тотчас его узнала и улыбнулась ему.

– Спасибо, – еле слышно прошептала она, и глаза ее снова закрылись.

– Сладкого сна вам, Тимми, – тихо сказал он. – Завтра я к вам зайду. – И он бережно высвободил свою руку из ее пальцев.

Она уже снова крепко спала, и он вышел из палаты, попрощался с сестрами и спустился к своей машине. То, что он – ее лечащий врач и что за все время не отошел от нее ни на минуту, произвело на всех в хирургическом отделении сильнейшее впечатление.

Сам не зная почему, он испытывал к Тимми огромную жалость. По тому, как она смотрела на него ночью, он понял, что она много чего пережила в жизни и что радостного в этой жизни было мало. Сильная, энергичная женщина, которую знали все и которая так успешно управляла своей империей, не имела ничего общего с испуганным ребенком, которого он увидел ночью. Увидел, как много этому ребенку пришлось перенести и перестрадать, и его сердце откликнулось сочувствием и состраданием. Всю дорогу домой он думал о ней и смотрел, как над Парижем поднимается солнце.

А в клинике в Нейи Тимми спала крепким, спокойным сном. Сам того не зная, Жан-Шарль Вернье отогнал от нее демонов прошлого, которые слетелись к ней ночью, чтобы растерзать. А он увидел их в ее глазах, хотя и сам не мог понять, как это случилось.

Глава 3

Днем прооперированная Тимми лежала в постели и глядела в окно, и тут Жан-Шарль Вернье вошел к ней в палату. Он был в белом халате и со стетоскопом на груди. У него были свои больные в университетской больнице, где он работал, и он сначала посетил их, а потом уже поехал навестить Тимми в Американскую клинику в Нейи. Приехав, он сначала посмотрел ее медицинскую карту, расспросил сестер и узнал, что все идет хорошо. Они сказали ему, что она все еще спит, но утром проснулась в полном сознании и приняла совсем немного болеутоляющих препаратов. Он остался доволен. Ей кололи большие дозы мощнейших антибиотиков, чтобы побороть проникших в организм микробов, хотя он считал, что врачи очень быстро ликвидировали опасность заражения после того, как из прорвавшегося аппендикса хлынул гной. Да, ей было мучительно больно и страшно, но надо признать, что ей редкостно повезло, все могло сложиться во много раз хуже. Он внимательно понаблюдает за ней несколько дней, решил он, а потом она спокойно может вернуться к себе в отель. А пока он сам будет следить за ее состоянием, думал он, с улыбкой входя в ее палату. Всех своих больных он уже посмотрел и теперь может спокойно поговорить с ней, никуда не торопясь. Он сразу увидел, что она еще очень слаба, но выглядит гораздо лучше, чем можно было ожидать после вчерашних мучений.

– Ну что, Тимми, как вы чувствуете себя сегодня? – спросил он, внимательно глядя на нее своими серо-синими глазами. Какой у него заметный французский акцент! Она улыбнулась, обрадовавшись, что он назвал ее «Тимми». Она думала, что теперь, когда весь этот ужас остался позади, он вернется к прежнему церемонному обращению «мадам О’Нилл». И ей понравилось, как он произнес ее имя, – совсем на французский лад.

– Чувствую себя гораздо лучше, чем вчера. – Она смущенно улыбнулась. У нее болело все тело, шов словно горел огнем, но разве все это можно было сравнить с кинжальной болью, которую она испытывала ночью.

– Вам на редкость повезло, все могло кончиться гораздо хуже, – сказал он, садясь на стул, стоящий возле ее кровати, и потом только спросил: – Можно? – Он был сдержан и в то же время дружелюбен, и она все время помнила, как он держал ее за руку перед наркозом, когда она дрожала от страха. И ни на минуту ее не отпустил. И сейчас она увидела в его глазах то же участие, что и тогда.

– Конечно, – сказала она в ответ на его вопрос. – Я вам так благодарна за вашу доброту ко мне прошлой ночью, – проговорила она смущенно, взглянув своими зелеными глазами в его серо-синие. Они оба так ярко помнили, что он держал ее за руку. – На меня иногда нападает ужасный страх, – призналась она, сделав над собой усилие. – Он из далекого прошлого, из моего детства, вдруг просыпается, оживает, и я никак не могу его прогнать и тогда опять становлюсь пятилетней девочкой. Такое случилось со мной прошлой ночью, когда меня привезли в клинику, и я так вам благодарна, что вы меня встретили и все время оставались со мной. – Эти слова Тимми уже прошептала, глядя ему в глаза, потом отвела взгляд, а он спокойно смотрел на нее, сидя возле кровати на стуле. Нелегко ей было признаться ему, какой беспомощной она чувствует себя порой.

– А что случилось, когда вам было пять лет? – осторожно спросил он. Спрашивал он не совсем как врач, он увидел в ее душе обнаженную кровоточащую рану и сразу понял, что ее до сих пор разрушает давняя травма. Он не мог представить себе, что это могло быть, но ему ли не знать, как часто пережитые в детстве страхи преследуют потом человека всю жизнь.

– Когда мне было пять лет, умерли мои родители, – тихо сказала она и надолго замолчала, а он продолжал сидеть и смотреть на нее. Интересно, расскажет она ему, что с ней было потом, или нет. Хотя и смерти родителей довольно, особенно если их смерть была трагиче-

ской и потрясла ее или если они умерли у нее на глазах. Немного погодя она стала рассказывать дальше. – Разбились на машине под Новый год. Уехали из дома и не вернулись. Помню, как домой приехала полиция и меня забрали. Не знаю почему, но везли меня в машине «Скорой помощи». Может быть, другой машины в это время просто не было, или они подумали, что я испугаюсь, если меня посадят в полицейскую машину. С тех пор я смертельно боюсь «Скорой помощи». Даже от звука ее сирены у меня ноги делаются ватные. – И конечно же, ночью ее привезла сюда, в клинику, «Скорая помощь», теперь понятно, как нелегко далась ей эта поездка. Но выбора все равно не было, ее состояние было более чем серьезным. Наверняка именно это усилило панический ужас, в котором она была, когда он встретил ее здесь, а может быть, даже и вызвало его.

– Жаль, я не знал. Надо мне было самому увезти вас из отеля, но я хотел приехать сюда раньше и подготовить все к операции. – Она улыбнулась в ответ на его объяснение. С ним еще не случилось такого, чтобы он сам отвозил пациентов в больницу.

– Что за чепуха, откуда вам было знать? Да и вообще мне было не до того, я на это почти не обратила внимания. Меня до потери сознания страшило, что будет потом, когда я приеду сюда. – Он ободряюще улыбнулся ей, и она опять почувствовала то же, что ощутила вчера, когда увидела его здесь и когда он взял ее за руку, – рядом с ним ей не страшно. От него исходили спокойствие, уверенность, теплота, может быть, даже нежность и большая сила. Верный, надежный и по-настоящему хороший человек. Она его почти не знала, но чувствовала, что он ее защищает и что сейчас в ее душе мир и покой. Сколько в нем доброты и деликатности...

– Куда вас отвезла «Скорая помощь», когда погибли ваши родители? – с участием спросил Жан-Шарль Вернье, внимательно вглядываясь в ее лицо, и ему показалось, что он уловил тень какого-то далекого и мучительного воспоминания, промелькнувшего в ее душе. Да, от того, что ожило в памяти прошедшей ночью, трудно было не содрогнуться.

– Отвезли меня в приют для сирот. И я прожила там одиннадцать лет. Сначала мне говорили, что меня очень скоро удочерят, и посылали в дом к разным людям – вдруг я там приживусь. – Глаза у нее были грустные, и хотя он молчал, сердце его сжалось. Сколько же она пережила, когда совсем еще маленькой девочкой вдруг осиротела и осталась одна-одинешенька во всем мире, а потом жила в приюте среди совершенно чужих людей. Какая жестокая судьба выпала ребенку. – У кого-то я жила несколько дней, у кого-то неделю-две, у одних даже чуть не целый месяц, и это время мне показалось нескончаемо долгим. А кто-то возвращал меня в приют через день или два. Думаю, с тех пор мало что изменилось. Все хотят взять еще грудного ребенка, желательно новорожденного. И никому не нужна тощая пятилетняя дикарка с острыми коленками, к тому же рыжая и вся в веснушках.

– По-моему, это очаровательно, – сказал он, и она грустно улыбнулась в ответ.

– Очаровательной меня никто не находил. Я почти все время плакала. И почти все время боялась. Может быть, даже не почти, а всегда. Тосковала по родителям, ненавидела людей, к которым меня посылали. Может быть, они были вовсе не плохие, ничуть не хуже других. Я писалась по ночам, забивалась в темные углы, однажды спряталась под кроватью и не хотела вылезать. На следующий день меня отослали обратно в приют и сказали, что я дикая. Монахини меня отругали и велели, чтобы я старалась понравиться людям. Они пытались пристроить меня в какую-нибудь семью целых три года, пока мне не исполнилось восемь. Ну тут я уже совсем выросла. И была некрасивая. В одной из семей, куда я как-то попала, решили, что с моими косами слишком много возни, и отрезали волосы чуть не у самых корней. А когда я вернулась в приют, там меня бритвой подстригли под мальчика. Каково это маленькому ребенку – превратиться в чучело. У людей всегда находилась причина отказаться от меня и вернуть в приют. Иногда говорили вежливые слова и лгали, дескать, они поняли, что им не по средствам удочерить ребенка, или они переезжают в дру-

гой город, или, например, глава семьи потерял работу. Словом, что-то придумывали. Но чаще не говорили ничего, просто качали головой, собирали мои вещи и отправляли обратно. Я всегда догадывалась об этом накануне вечером, ну почти всегда. По выражению их лиц, мне так хорошо это запомнилось. Когда я его видела, у меня холодело под ложечкой. Иногда их отказ заставлял меня врасплох, но обычно я бывала к нему готова. Давали пять минут, чтобы собраться, и отвозили. Кто-то дарил мне при этом подарок, медвежонка, куклу, какую-нибудь игрушку – в качестве утешительного приза за то, что не прошла, так сказать, отборочного тура. В конце концов, мне кажется, я к этому привыкла. Хотя разве к такому вообще можно привыкнуть? Сейчас, через много лет, когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что каждый раз как меня отправляли назад в приют, у меня сердце разрывалось от горя. И я начинала бояться с самого начала, когда меня кто-то брал к себе. Знала, что все повторится в очередной раз. И так оно и случалось. Можно ли было ожидать другого?... Когда мне исполнилось восемь лет, меня отдали на патронажное воспитание, как обычно поступают с детьми, которых по каким-то причинам не усыновили. Чаще всего потому, что их собственные родители этого не хотели. Мои родители умерли, но поскольку я никому из усыновителей не приглянулась, то и оказалась у патронатных родителей. В идеале это выглядит прекрасно, считается, что ты вроде бы живешь в семье, а не в сиротском учреждении, и среди тех, кто таким образом заботится о детях, есть действительно замечательные люди. Но и дурных тоже хватает. Они пользуются этой возможностью, чтобы заставить приемшей трудиться как рабов, отбирают у них деньги, которые те заработали, надрываясь на самой грязной и тяжелой работе, которую не желают выполнять их родные дети, держат впроголодь и обращаются как со скотом. Но я придумала, как от них избавляться. Стала вытворять самые немыслимые пакости, чтобы меня поскорее отослали обратно. В приюте мне было лучше. За восемь лет я побывала в тридцати шести семьях. И стала просто притчей во языцах. Кончилось тем, что на меня махнули рукой. Я никому не причиняла забот, училась в школе, делала всю работу, что мне поручали, с монахинями была вежлива. А в шестнадцать лет я вышла из дверей приюта и ни разу не оглянулась. Нашла работу официантки, работала в нескольких ресторанах. В свободное время любила что-нибудь шить из остатков разных тканей. Шила для себя, для своих подруг, таких же официанток, как и я. Мне казалось, что это сродни волшебству: я беру кусок ткани и превращаю его в красивое платье, и в этом платье простая официантка чувствует себя королевой. В последнем кафе, где я работала, я встретила свою счастливую судьбу, и началась моя дизайнерская карьера. Передо мной открылись фантастические возможности, и началась новая жизнь, с тех пор у меня все хорошо, даже великолепно, – ну, почти все, – сказала она, глядя на него своими мудрыми печальными глазами, которые повидали столько горя, что хватило бы на несколько жизней. – Но всю мою жизнь, когда я пугаюсь или когда случается что-то очень тяжелое, или я заблеваю, или сильно расстраиваюсь, прошлое возвращается. Я вдруг чувствую, что мне снова пять лет, я в сиротском приюте, мои родители только что погибли, и меня отправляют жить к незнакомым людям, которые меня не любят и которых я до смерти боюсь. Так было и нынче ночью. Я и заболела, и испугалась, а когда меня привезла сюда «Скорая помощь», я была в такой панике, что начала задыхаться. В детстве у меня была астма. Иногда я притворялась в какой-нибудь патронатной семье, что у меня приступ, чтобы меня отослали обратно в приют. Люди всегда и отсылали. Кому нужна дикая рыжая девчонка, да еще и с астмой в придачу. Сначала приступы были настоящие, потом я притворялась. Я тогда уже не хотела, чтобы меня удочерили. Зачем опять и опять подставлять себя под удар? Мне все эти люди не нравились, и я не хотела, чтобы они заботились обо мне. Они и не заботились. Наконец я ушла из приюта, и это был самый счастливый день в моей жизни. Я начала работать и стала сама распоряжаться своей жизнью, своей судьбой. Теперь уже никто не мог меня запугать, никто не мог никуда отослать. Наверное, сейчас все это кажется вам диким. – И она посмотрела Жан-Шарлю прямо в глаза.

Его поразила искренность ее рассказа и спокойное принятие всего, что с ней происходило в жизни. Мог ли он слушать ее без волнения и не изумляться тому, как высоко она потом поднялась. Люди восхищаются ее успехом, но не знают, что история этого успеха поистине удивительна. Она, по сути, совершила восхождение на Эверест, достигла пика высочайшей вершины успеха, и какой ценой! О ее прошлом знают только несколько самых близких друзей и помощников. Она никому не рассказывала о нем так просто и откровенно, как сейчас рассказала Жан-Шарлю. Но ведь он врач, подумала она, и потому примет все как должное. Наверняка он слышал истории и пострашнее. Для нее в этой истории не было ничего примечательного, но его она и потрясла, и глубоко тронула. После всего, что он сейчас услышал, он стал уважать Тимми еще больше.

– Наверное, вам все это кажется диким, – повторила она, – но я ни за что не хочу, чтобы то время возвращалось. Одна мысль об этом непереносима. Не хочу стараться кому-то понравиться, чтобы меня взяли к себе, не хочу петь для этих людей и танцевать. Не хочу быть рабыней в патронатной семье, пусть мне девять лет, пусть даже тринадцать, но я рабыня, и меня никто никогда не обнимет, не прижмет к себе, я давно забыла, что такое родительская ласка. И я не хочу снова оказаться отверженной. Ни за что и никогда. Не хочу, чтобы меня опять когда-нибудь бросили и отправили в сиротский приют. Уж лучше я останусь одна. – Или с мужчинами, которых она не любит. В глазах Тимми была такая боль, что он мгновенно понял: она говорит о том, что ее больше всего мучит, и его сердце не могло не откликнуться на эту боль. «И самое печальное во всем этом, – подумал он, – что это ее желание исполнилось». Насколько он мог видеть, она и осталась одна.

– Что вы можете сделать, Тимми, что мы все можем сделать, чтобы нас не бросили? – философски спросил Жан-Шарль. – Бросают всех, а не только пятилетних сирот, так уж жизнь устроена. Умирают люди, которых мы любим, расходятся муж и жена, нас увольняют с работы без малейшей провинности с нашей стороны. А любящие люди иногда мучают друг друга, сами того не желая, и тоже страдают от этого. Жизнь жестока, с ней не договоришься. Любимый человек может уйти от нас или, пользуясь вашей метафорой, отослать обратно в сиротский приют. В каком-то смысле все мы в нем побывали. Но вам, конечно, пришлось горше всех. Мне очень грустно, что вам выпало столько испытаний, да еще в раннем детстве. Суровая судьба, самому злему врагу не пожелаешь, – сочувственно сказал он, и она опять улыбнулась. Улыбнулась тихой, слабой, печальной улыбкой, которая подтвердила, что он прав. Она пережила одиннадцать лет непрерывного кошмара, и воспоминания о нем преследуют ее до сих пор. Поездка в машине «Скорой помощи» выпустила эти кошмары из тайников ее души. Она так ясно помнила ночь, когда погибли ее родители, словно это случилось вчера. И прошедшей ночью, когда ее везла «Скорая помощь», снова обратилась в пятилетнюю девочку. А в клинике, когда Жан-Шарль взял ее за руку, почувствовала себя совсем маленькой и беззащитной.

Днем взрослая женщина воскресла, та маленькая девочка спряталась в прошлом. Сейчас перед Жан-Шарлем была сильная, мужественная Тимми, хозяйка своей судьбы, но ночью он так ясно разглядел испуганного ребенка. И сейчас он смотрел на нее другими глазами, он уже не мог не видеть тень того ребенка, который держал его за руку в операционной и сжимал ее так, будто в ней была его жизнь. Что ж, может быть, и вправду была. Он не представлял себе, где она взяла силы, чтобы пережить те страшные годы в приюте. А она их где-то нашла. И какие бы травмы ей тогда ни нанесли, она сохранила душевное здоровье, сформировалась в цельную личность, была полна энергии, добилась блестящего успеха, творила, созидала, и никто, глядя на нее, никогда бы не догадался, как она начинала свою карьеру и какое у нее было безрадостное детство, сколько горя она тогда пережила и в каких жестоких условиях выросла. Но Жан-Шарль услышал ее рассказ и словно увидел все собственными глазами, и их это сблизило. Он заглянул не только в ее прошлое, но и в ее душу. Он узнал,

что одиннадцать лет своей жизни она терпела непрерывные мучения, а может быть, даже и дольше. Какое это было важное открытие – жизнь билась в нее и ломала, а она все же взяла над ней верх. К ней пришел успех, в ее руках власть, она – ярчайший пример победительницы, хотя ее порой и одолевали сомнения, но об этом никто не догадывался. Она-то знала о травмах и ранах своей души. И почти все, что она делала, имело одну цель: защитить свою душу и не позволить ранам открыться. Этому она ни в коем случае не могла допустить. Когда Тимми эти раны наносили, ей было слишком больно. Нельзя их беречь, она никогда и не позволит.

Доктор почувствовал все это ночью, когда она сжимала его руку. Ему было страшно за нее. Он видел ночью и даже сейчас, хоть и не так обнаженно, что в ней плещется океан боли и что если убрать преграду, боль вырвется грозным цунами и затопит все вокруг. Так чуть не случилось ночью. Поездка на «Скорой помощи» в клинику ужаснула Тимми и еще раз напомнила, как она одинока. Казалось, ожили демоны прошлого и отшвырнули ее назад, в ненавистный сиротский приют. И то, что Жан-Шарль был в это время с ней, смягчило ужас той реальности. Хотя бы на краткий миг он помог ей почувствовать, что она не так одинока. Она с благодарностью улыбнулась ему, и прошлое стало уходить в тень. Как ни страшен тот мир, он ведь, в сущности, всего лишь мир призраков, а эти призраки больше не могут причинить ей зла. Все эти годы Тимми не позволяла прошлому догнать себя, ворваться в свою жизнь, остановить и искалечить. Нет, только не это! Она стала слишком сильной, и теперь ее не остановишь. Но иногда прошлое все же пыталось подкрасться исподтишка, как это случилось перед операцией; но она усилием воли отогнала его прочь от себя, туда, где ему и место. Ей был дорог маленький ребенок, каким она была когда-то, но она не могла позволить тому испуганному беспомощному существу распоряжаться своей жизнью. Никогда не позволяла и уж тем более не позволит теперь. Она должна быть очень сильной, это единственное, что ей осталось. Жан-Шарль понял все это, глядя ей в лицо, и как же он восхищался ее силой и мужеством.

– Вы настоящая героиня, – с восхищением сказал он. Она решила, что он иронизирует, и улыбнулась, но он был более чем серьезен. – Я в жизни не встречал такой храброй женщины. – Сейчас он прекрасно понимал, почему она так расстроилась накануне. – У ваших родителей не было родственников, которые могли бы взять вас к себе? – спросил он с глубокой жалостью и состраданием.

Она в ответ покачала головой.

– Я знаю о своих родителях только то, что они были ирландцы и что умерли. Больше ничего не удалось узнать. Когда я была в Ирландии, я думала, может быть, удастся разыскать каких-нибудь родственников. Но в телефонной книге О’Ниллы занимают тридцать страниц, и нет ни единой зацепки. Так что я одна, но, конечно, у меня есть замечательные друзья, которых я очень люблю.

Но оба они знали, что если случится беда, как, например, сейчас, когда у нее прорвался аппендикс, обратиться за помощью ей не к кому, она одна как перст, есть только помощники, которые на нее работают, но у них своя собственная жизнь. Разве можно забыть, как при заполнении документов она в качестве ближайшего родственника назвала имя своего секретаря Джейд. После этого никаких объяснений уже не нужно. Больше у нее в жизни нет никого, на кого можно было бы положиться, и это при том, что она так красива и успешна, такая несурезица с трудом умещалась в сознании Жан-Шарля. Непонятно, как все-таки случилось, что она осталась в таком одиночестве, – разве что сама этого захотела. Что ж, может быть, и в самом деле захотела. Да и ее трудно в этом винить после всего, что ей пришлось пережить в детстве. Наверное, она просто не могла открыться людям, полюбить кого-то, привязаться, поверить. И скорее всего, печально подумал он, она так никого и не полюбила, никому не открылась и никому не поверила. Судьба порой бывает жестокой, Тимми она не

помиловала, зато открыла путь к материальному преуспеянию. И чтобы этого преуспеяния достичь, Тимми трудилась изо всех сил. Но оба они знали, что материальный достаток еще не все, он не заменит счастья. Однако он все же был, и она любила свою работу. И считала, что все в ее жизни хорошо.

Сейчас Тимми лежала в постели и разговаривала с Жан-Шарлем, и в выражении ее лица были покой, умиротворенность. Он был растроган ее откровенностью. И вдруг почувствовал, что после операции, которая так сильно на нее повлияла, он словно бы преодолел разделяющее их расстояние и за несколько часов превратился из лечащего доктора в доброго друга, это наполнило его гордостью. Какая она удивительная женщина, думал он. Тимми тоже чувствовала, что они стали гораздо ближе друг к другу, и тоже думала, какой он замечательный врач и какой удивительный человек. Сколько в нем понимания, душевной теплоты. Излучение его доброты и позволило ей открыться перед ним, как она много-много лет ни перед кем не открывалась. Она не любила рассказывать о своем прошлом и, наверное, сейчас и не вспомнила бы, когда в последний раз кому-то рассказывала о себе.

– Простите, что утомила вас этой невеселой давней историей. Я редко кого в нее посвящаю, но понимаю, что просто обязана была объяснить вам, почему впала в такую панику ночью, – призналась она, виновато глядя на него. Она позволила ему узнать так много о себе и теперь почувствовала себя слегка неловко.

– Вы вели себя молодцом, – успокоил ее он, – и не должны мне ничего объяснять. Оказаться под ножом хирурга в чужой стране, да еще когда рядом с тобой нет ни одного близкого человека, – жестокое испытание. Кто угодно испугается. А у вас было больше причин для страха, чем у кого бы то ни было. Вы пережили в детстве такую тяжелую травму. Неудивительно, что у вас нет детей, – осторожно сказал он. – Вероятно, вы боялись причинить кому-то другому боль, которую когда-то перенесли сами. – Многие из его знакомых, кому выпало на долю тяжелое детство, потом не хотели иметь детей. И Тимми, надо полагать, принадлежала к этой категории. Но вдруг он увидел выражение ее глаз и понял, что разбередил еще одну рану. Он готов был откусить себе язык. В ее глазах было такое страдание, что он умолк на полуслове.

– У меня был сын, но он умер, – тихо сказала она, глядя ему прямо в глаза.

– Простите... – Его голос прервался. – Какой же я глупый, как мог подумать... мне и в голову не пришло... когда я спросил вас, вы сказали, что у вас нет детей... я и решил... – У него сложилось впечатление, что она – типичная деловая женщина, полностью посвятившая себя карьере и успеху, женщина, которая не хочет иметь детей, тем более после одинокого детства, полного лишений и невзгод. Он и подумать не мог, что у нее был ребенок. И самое ужасное, что он умер.

– Нет-нет, ничего, не огорчайтесь. Я уже успокоилась. Много времени прошло. Ему было четыре года, и он умер двенадцать лет назад от опухоли мозга. Спасти его не могли. Сейчас, может быть, все сложилось бы по-другому. Сейчас онкология добилась таких успехов, столько открытий, а тогда... Мы сделали все, что было только возможно. – Она грустно улыбнулась Жан-Шарлю, и он увидел, что в ее глазах стоят слезы. Она не могла говорить о сыне без слез. И говорила о нем очень редко. – Его звали Марк.

Она сказала это так, словно хотела, чтобы его помнили. Не просто ребенок, который умер двенадцать лет назад, а мальчик, которого звали Марк и которого она любила и о ком будет хранить память в своем сердце всю жизнь.

После этого ее бизнес стал превращаться в империю, и эта империя все расширяла и расширяла свои границы. Началось это, если быть точным, через год после того, как ее оставил муж. Она пережила еще один тяжелейший период в своей жизни и отчасти еще и поэтому не захотела больше выходить замуж и завязывать серьезные отношения с мужчинами. Покой, любимая работа и время от времени связь с такими мужчинами, как Зак, просто

чтобы проводить вместе выходные, – вот все, что теперь ей было нужно. Она не хотела ни слишком привязываться к человеку, ни испытывать боль. Не хотела слишком сильно полюбить мужчину и страдать после разрыва с ним, как она страдала, расставшись с Дерриком, или снова пережить агонию, которую испытала, когда умер Марк, свет ее очей, проживший на свете всего четыре года. Теперь ее жизнь стала куда проще. На дороге встречаются ухабы и рытвины, но со всем этим она легко справляется, и нет никого, кто был бы ей слишком дорог. Нет больших радостей, но нет и горя. Она не хотела снова упасть на дно пропасти и желать смерти, как случилось после смерти Марка и разрыва с Дерриком. Она хотела всего лишь жить, как живет сейчас, смотреть в будущее и не оглядываться на прошлое, думать о коллекциях, которые она создает, устраивать показы прет-а-порте, ценить общество друзей и помощников. Пусть все так и остается, как есть, ничего другого, ничего нового ей не надо. Жан-Шарль прочитал это в ее глазах.

Душа Тимми была крепко-накрепко заперта. Она чуть приоткрыла дверь и позволила ему заглянуть в щелочку, но вообще никогда ее не отпирала. Только так и можно было защитить себя от боли воспоминаний, не позволить старым ранам открыться. Когда она рассказывала ему о сыне, ее лицо словно бы осветилось изнутри; когда упомянула о муже, оно погасло. Все это осталось для нее в прошлом и, надо надеяться, никогда не оживет. Ей выпали на долю тяжелейшие испытания, она пережила их и не сломалась, только с Марком не рассталась, сохранила его в своем сердце. Он так всегда и будет жить в нем. Но ни серьезных отношений с женщиной, ни даже ребенка в ее жизни не будет. Все это грозит такими мучительными страданиями.

– Понимаю, какое горе потерять сына, – произнес Жан-Шарль. Он был полон искреннего сострадания и участия. – А ваше детство! И все это выпало одному человеку. Да уж, вы поистине избранница судьбы. – Каждое слово ее рассказа живой болью отзывалось в его сердце. И вдруг он почувствовал радость – ведь он встретил эту замечательную женщину, и она к тому же его пациентка. Ею нельзя не восхищаться!

– Вы правы, но судьба мне порой и улыбалась. Надо уметь играть теми картами, которые тебе выпадают. Иногда плохие, иногда хорошие – как повезет. – Тимми устало улыбнулась. Она рассказала ему так много, что ж, пусть узнает и остальное. Она видела по его взгляду, что он задает себе вопрос, почему у нее не было мужа, раз был ребенок, но спросить не решается из деликатности. Он думал, что она, вероятно, вышла замуж, когда ребенок уже родился, а может быть, родила ребенка без мужа, она ведь такая отважная. Его бы это ничуть не удивило.

Тимми рассказала ему историю своего замужества спокойно и просто, без горечи, никого не обвиняя, только факты.

– Муж ушел от меня через полгода после смерти сына. Эта смерть нас обоих раздавила. Мы прожили вместе пять лет, не такой уж долгий срок. Он был дизайнер мужской одежды, я пригласила его, когда начала разрабатывать линию мужской одежды, а он был отличный художник, и нас связывала добрая дружба. Потом мы поженились. Он порядочный человек. Когда Марк умер, я думала, что мы тоже умрем. Наши отношения сильно переменились. Мы оба были так опустошены и убиты горем, что не замечали друг друга. А потом я узнала то, что всем было давно известно. Мой муж был бисексуал и женился на мне, чтобы иметь ребенка. Я забеременела сразу, как только мы поженились. А решили мы пожениться как-то вдруг, неожиданно. Я даже не очень-то и хотела детей, причин было много, и вы их только что назвали. Он меня уговорил, уговорил выйти за него замуж и родить ребенка. И это было самое большое счастье, которое мне выпало в жизни. А потом, когда Марк умер, Деррик сказал мне, что хочет уйти. Объяснил, что женился на мне по одной-единственной причине, – хотел иметь детей. На другого ребенка ни у меня, ни у него не было душевных сил, к тому же у него была своя, тайная жизнь, о которой я не знала. И нам был нужен только Марк.

Думаю, его смерть и положила конец нашему браку. Каждый раз, как мы смотрели друг на друга, мы видели Марка... Деррик начал пить, у него появился другой мужчина, он увлекся. Думаю, он не хотел, чтобы я страдала еще и из-за этого, хотел расстаться быстро и без дразг, и я хотела того же. Наверное, в тех обстоятельствах это было самое правильное. Он перестал работать у меня, мы развелись, и с тех пор они живут в Италии. По-моему, у него все хорошо, и я желаю ему добра, – произнесла она очень спокойно, и Жан-Шарль в очередной раз подивился силе духа этой женщины, так достойно пережившей и эту трагедию. – Я отдала ему значительную долю бизнеса, когда он ушел, потому что именно благодаря ему наша линия мужской одежды получила такое широкое признание во всем мире. Мы расстались, и я снова вернулась к работе, стала работать как одержимая. Работа стала моей жизнью. Сама не знаю как, но я пережила и смерть Марка, и потерю Деррика. Но боль от потери ребенка никуда не исчезает. – Опять ее глаза наполнились слезами. – Деррик иногда звонит. Нам обоим нелегко разговаривать друг с другом. Уж лучше не звонил бы. Да и что я могу сказать ему, а он – мне? Он живет с женщиной, который работал у нас когда-то моделью. У них все хорошо. А я живу своей жизнью. И когда мы расстались, в моей жизни кончилась целая эпоха. Вот так-то...

Невеселую историю я вам поведала. Думаю, наш брак все равно бы рано или поздно распался. Невозможно долго заставлять себя быть не тем, что ты есть на самом деле. Нас соединял Марк, а когда его не стало, Деррик вернулся к жизни, которую вел раньше и о которой я не знала. Мне время от времени намекали, но я только отмахивалась. А оказалось, все это правда, люди хотели открыть мне глаза. Но я ни о чем не жалею, ведь у меня был Марк, хоть и недолгое время. Это были самые счастливые годы в моей жизни, никакое другое счастье мне не нужно... Странная штука – жизнь, – сказала она со вздохом, – никогда не знаешь, подарит она тебе что-то или отнимет. Марк был подарок, источник чистой, ни с чем не сравнимой радости. Каждая минута, что он прожил, для меня драгоценна, и что с того, что я вышла замуж за Деррика, ведь у нас родился сын. А сейчас в моей жизни нет и следа того, что было, – буднично сказала она.

Он видел, что она приняла все в своем прошлом, все горести и невзгоды. И вопреки всему не сломлена и не только живет достойно, но и помогает так же достойно жить окружающим. А от того, что позволяет себе краткосрочные романы с такими мужчинами, как Зак, никому нет вреда, просто они не дают демонам прошлого приближаться к ней.

Жан-Шарль понимал, что Тимми поистине замечательная женщина, при первой их встрече он ее не разглядел. Да и как разглядеть, когда суть человека скрыта в глубине. Такой силы духа с лихвой хватило бы на сотню человек, а мужества – на тысячу. Они сейчас смотрели друг на друга, и вдруг Тимми осознала, что все это время она опять держала его за руку. Для того чтобы рассказать такую историю жизни, нужна поддержка или присутствие друга, и теперь она считала его своим другом, и он тоже считал себя ее другом. Он на короткий миг вошел в ее жизнь, помогая справиться с неожиданно свалившейся на нее жизненной передрыгой, и когда она уедет, то увезет частицу его с собой, ведь так всегда случается, если ты отдал человеку частицу себя. Она открыла ему свои самые сокровенные тайны, впустила в свое израненное, истерзанное сердце. Она любила повторять, что ее сердце похоже на старинную китайскую вазу – сплошь в паутине мельчайших трещин, но прочную и крепкую. И Жан-Шарль тоже почувствовал в ней это качество, да и как не почувствовать, когда услышишь рассказ о такой непростой жизни. И еще он испытывал к ней огромное уважение, какое мало кто в нем вызывал. Удивительная женщина, он никогда такой не встречал, его восхищали ее мужество и отсутствие обиды на жизнь. Как ни мучительны были пережитые ею утраты, как ни болели раны, которые жизнь ей наносила, она принимала все как дар. Ее душа была прекрасна и полна чувства собственного достоинства. В ней нет ни тени злобы, горечи, гнева. А ее раны вызывали у него сейчас глубочайшее сострадание.

– Как грустно, что вы не вышли потом замуж и у вас нет сейчас детей, – с участием сказал он. Он был глубоко взволнован и ощущал ее утраты почти как свои собственные. Подумать только, она потеряла всех, кого любила, кто был ей дорог и близок. Родителей, сына, мужа. И не сломлена, хоть сердце ее истекало кровью. Когда ее сын умер, ей было всего тридцать шесть лет, а когда развелась – тридцать семь. Она вполне могла начать новую жизнь, но не захотела и честно рассказала ему – почему, а он сидел и слушал ее, слушал... «Может быть, она просто боится снова полюбить?» – подумал Жан-Шарль. Да, наверное, ее страх слишком велик. Время летело, они и не заметили, что разговаривают уже чуть ли не два часа и при этом держат друг друга за руки. Он чувствовал, что она стала близка ему, он и подумать не мог, что такое может случиться, но и мысли не мелькнуло усилить эту близость. В его чувстве не было романтической подоплеки. Он просто ощущал, что между ними возникло сильное человеческое притяжение, то же самое ощущала и она.

– Я больше не хочу ни детей, ни мужа, – ровным голосом ответила она. – И раньше не хотела, после того как умер Марк, а Деррик ушел. Ему нужны были новые отношения, а мне нет. Я хотела остаться одна и как-то залечить раны. Залечивала я их долго. Работа удерживала меня на плаву. Все остальное было слишком тяжело.

– А сейчас? – живо спросил Жан-Шарль. Она рассказала ему о себе так много, что он не чувствовал неловкости, расспрашивая ее. – В вашей жизни никого нет?

Тимми пожала плечами и с усмешкой покачала головой: она вспомнила, что Зак ей так и не позвонил. Она оставила ему утром сообщение на автоответчике, сказала, что ей сделали операцию, а он никак не отозвался. И пожалуй, ее это ничуть не тронуло. На Зака ни в чем нельзя было положиться. Слишком он ко всем равнодушен, слишком поглощен собственной особой, слишком жаждет мести за воображаемые обиды. В сущности, человек он не злой, но и добра в нем тоже нет. Он с тобой, только когда у тебя все хорошо, а чуть что не так – его и след простыл, но он никогда и не притворился другим.

– Никого, о ком стоило бы говорить, – ответила она на вопрос Жан-Шарля. – Люди появляются в моей жизни, потом исчезают. На какой-то короткий срок я иду на необременительные для меня компромиссы. А серьезных отношений после того, как я развелась, у меня не было. И я их не хочу. За них приходится расплачиваться слишком дорогой ценой. Да и стара я уже. – Она смущенно улыбнулась, а доктор в ответ расхохотался.

– Это в сорок-то восемь лет? Не смешите меня. Женщины куда старше вас и влюбляются, и выходят замуж. Для любви не существует возраста. Моя собственная мама овдовела, когда ей было семьдесят девять лет, а в восемьдесят пять снова вышла замуж. Они с мужем прожили уже два года, и она его обожает. Она с ним так же счастлива, как была с моим отцом.

Тимми улыбнулась, представив себе восьмидесятипятилетнюю невесту. Как это прелестно и трогательно!

– Ну разве что когда мне будет восемьдесят пять... – Она иронически усмехнулась, по-прежнему держа его за руку. – Думаю, мне стоит подождать до тех пор. Наверное, я еще слишком молода, чтобы пытаться устроить свою жизнь. Подожду, пока разовьется болезнь Альцгеймера и я забуду обо всех своих страхах. А сейчас память у меня еще слишком острая.

Что ж, она имеет право так говорить, пережив в своей жизни столько потерь и получив столько травм от такого множества людей.

– В вашей жизни, Тимми, есть небольшой пробел, – деликатно сказал Жан-Шарль. – На самом деле это огромный пробел. В вашей жизни нет любви, потому что вы полны страха. Я вас не обвиняю. Но тому, кто живет без любви, если я правильно понимаю, трудно и одиноко. – И с ним случаются приступы непреодолимого страха, какой он наблюдал накануне вечером, когда ее жизнь оказалась в полной зависимости от совершенно незнакомого ей человека.

– Трудно, – согласилась она, – но спокойно. Сейчас мне нечего терять.

«Как грустно слышать такие слова, – подумал он, – особенно из уст такой поистине замечательной женщины».

Они оба вспомнили, кого она назвала в качестве своего ближайшего родственника, когда в клинике заполняли анкету. Да, это было имя ее помощницы, а не мужа, брата или хотя бы любовника. У нее нет не только кровных родственников, но даже единокровных или единоутробных сестер и братьев, даже сводных нет. Когда возникала необходимость назвать кого-то из близких, она особенно остро ощутила свое одиночество, но это была реальность, с которой она давно смирилась. И знала, что эта реальность никогда не изменится. Но иногда провидение посылает ей встречу с людьми, в которых она так нуждается, как, например, Жан-Шарль, который оказался рядом, когда прорвался ее воспалившийся аппендикс. И вот теперь они стали друзьями. Она понимала, что он ею восхищается, но и видела в его глазах некую печаль. Была ли эта печаль вызвана ее рассказом или относилась к чему-то, связанному с его собственной жизнью, она не знала, но спрашивать не хотела. Доверие можно только подарить, как подарила ему свое доверие Тимми, поведав так искренне о себе. Его нельзя вымогать, люди дают его в порыве доброй воли, а она видела, что он еще не готов рассказать ей о своей жизни, может быть, никогда и не расскажет. Ей захотелось поделиться с ним пережитым, но она чувствовала, что в нем, как и в ней, есть сокровенные глубины, которые он охраняет от всех.

– Как же вам удалось не ожесточиться на жизнь? – тихо спросил он. – Она дала вам столько поводов.

Он чувствовал, что в ней нет ни тени злобы, желания отомстить кому бы то ни было. Она всем все давно отпустила. Ему подумалось, что она скорее всего никогда и не таила зла; да, ее душа была опустошена и безрадостна, но обиды в ней не было ни на родителей за то, что умерли, ни на бывшего мужа за то, что ушел от нее, ни на врачей за то, что не сумели спасти ее ребенка. Таких, как она, он никогда не встречал, и ему захотелось быть похожим на нее. Сам-то он не смирялся с причиненным ему злом и горько сожалел о прошлом, порой эта горечь становилась непереносимой. Тимми поразила и воодушевила его, он чувствовал, что будет долго помнить все, что она рассказала ему сегодня. Когда он наконец отпустил ее руку, за окном уже темнело. Они проговорили друг с другом много часов. Сестры заглядывали в палату узнать, как она, и деликатно исчезали. Она была в хороших руках, не надо им мешать. Они понимали, что разговор у них серьезный, оба полностью им поглощены. Но вот доктор заметил усталость на лице Тимми.

– Простите, я вас совсем уморил, – стал извиняться он, спохватившись, что сидит у нее так долго. Но ведь она обаятельнейшая женщина, он никогда не забудет того, что ему открылось, когда он разговаривал с ней. Он знал, что, даже услышав ее имя, будет ощущать в душе глубочайшее уважение и восхищение. И он надеялся, что они еще увидятся, когда она снова приедет в Париж. И вдруг его озарило: а ведь встреча с ней – это чудесный подарок Судьбы. Не дай нью-йоркский приятель Жан-Шарля его телефона Тимми, она никогда бы ему не позвонила, ей пришлось бы вызвать отельного врача, о котором ей ровным счетом ничего не известно.

– Мне было так приятно поговорить с вами, – сказала она, слегка улыбнувшись, и наконец-то положила голову на подушку. – Я уже давно никому о себе не рассказываю. – После смерти сына и разрыва с мужем она много лет ходила к психоаналитику, и наконец они оба решили, что цель достигнута. Они добились максимума того, что можно было в ее случае сделать. С остальным она должна смириться, принять это и жить. От прошлого никуда не денешься, и все же прошлое есть прошлое. – Но мне было очень важно рассказать именно вам. Порой нам кажется, что мы знаем человека, понимаем, почему он поступает так, а не иначе, но как же мы ошибаемся! Никому не ведомо, что он пережил и какой прошел путь, – задумчиво сказала она, и Жан-Шарль кивнул, соглашаясь.

– Вы прошли большой путь, Тимми, – убежденно сказал он.

Он не знал никого, кто достиг бы большего, чем она. Ночь, которую он провел возле нее, чудесным образом их связала. Она этого тоже никогда не сможет забыть. Он был здесь, рядом, мало кто еще когда-либо так заботился о ней. Это был человек, которому можно доверять, и она ему доверилась, рассказав о себе.

– Когда вы позволите мне вернуться домой? – спросила она, увидев, что он встал. Спешить ей было не к кому и не к чему, но и в клинике оставаться долго не хотелось.

– Пока не знаю. Сколько-то времени вам придется здесь побыть. Может быть, неделю. Но сначала я позволю вам вернуться в отель и понаблюдаю, как вы будете себя чувствовать. Вы хотите лететь из Парижа сразу в Лос-Анджелес?

Она покачала головой.

– Мне нужно сначала побывать в Нью-Йорке. На следующей неделе у меня там несколько встреч, и одна в пятницу вечером на этой неделе.

– Не уверен, что вам это будет по силам. Полететь вы сможете через неделю, но на вашем месте я бы отправился прямо домой и отдохнул там еще с неделю. Ведь вам же как-никак сделали операцию.

Тимми кивнула. Она уже подумала, что попросит Джейд и Дэвида провести встречи без нее. Они введут ее в курс дела потом, когда она вернется. Главное – это демонстрация их коллекций прет-а-порте, а демонстрации они провели. Все остальное было для нее сейчас второстепенно, и он видел это по ее глазам. Нет, она совсем не такая, какой он представил ее себе сначала. Она не рвалась как можно скорее уехать, а он-то этого от нее и ожидал. Ожидал, что она будет капризничать, раздражаться, требовать, показывать свой характер, как обычно поступают люди, добившиеся такого успеха. Но ничего подобного. Она оказалась доброй, сильной, мудрой, интеллигентной, доброжелательной и деликатной. Казалось, у нее нет и не может быть ни одной темной мысли. И она была ему очень симпатична.

– Пока я не ушел, что-нибудь нужно для вас сделать? Болеутоляющий укол? – спросил он, но она покачала головой.

– Нет, я стараюсь избегать обезболивающих. Все вполне терпимо. Бывало куда хуже.

Он знал, что бывало, не зря она ему столько рассказала о себе. Она не принимала транквилизаторы, даже когда умер Марк. Не в ее характере было прятаться от жестокой реальности и горя, которое эта реальность несет. Она смотрела жизни в лицо – всегда, с самого детства.

– Если вам что-то понадобится, звоните мне на мобильный, – напомнил он ей, и она улыбнулась.

Он тронул ее за плечо, она еще раз улыбнулась, и он ушел. А Тимми еще долго думала о нем. Она давно ни с кем не разговаривала так искренне и откровенно. Давно? Да она вообще никогда в жизни не открывала никому свою душу. Ей было удивительно легко и просто с ним, она доверяла ему совершенно – наверное, впервые в жизни. То, что произошло ночью, разрушило существовавшие между ними преграды, а ведь не случилось с ней этой беды, они так бы и остались далекими и чужими друг другу.

Жан-Шарль шел к своей машине и думал о том же самом. Тимми была одной из редких, удивительных женщин, кому можно рассказать обо всем, довериться, и ему так хотелось довериться ей. Она поделилась с ним самым сокровенным – сможет ли он когда-нибудь поделиться с ней тем, что таит от других? Она открыла перед ним свою душу сегодня, рассказала такую горькую повесть своей жизни. Он понимал, что какая-то рана в ее душе все еще кровоточит, быть может, и всегда будет кровоточить. Другие раны постепенно зажили, но и душа, и сердце покрыты глубокими шрамами. Было такое чувство, будто встреча с ней – одно из самых важных событий в его жизни. И у нее было точно такое же чувство, иначе она

не доверилась бы ему. Но ведь довериться ему было так легко и естественно! Удивительно, удивительно...

Она ничуть не раскаивалась в своей откровенности. Когда он ушел, ей вдруг подумалось, как хорошо было бы когда-нибудь встретить такого человека, как он, и связать с ним свою жизнь. С ней такого никогда не случилось. Ее и Деррика связывали интересы ее империи, их ребенок, и это, пожалуй, все. У них с самого начала было очень мало общего, не считая, конечно, работы. Расставшись с ним, она поняла, что почти не знала своего мужа, а он так же мало знал ее. А ровня ей скорее такой мужчина, как Жан-Шарль Вернье, может быть, он был бы ее достойным противником, или союзником, или спутником, которому она бы доверяла. Но тут Тимми напомнила себе, что он, как и все стоящие мужчины, женат. Джейд любила повторять, что хорошие мужчины всегда женаты. Раздумывая об этом в палате Американской клиники тем вечером, Тимми стала погружаться в сон, но мимолетно вспомнила, что от Зака так и не было никаких вестей. Это огорчило ее – разве Зак может не огорчить? – но не удивило. Такие мужчины приносят нескончаемые разочарования. Но Тимми за многие годы свыклась с этим. Она столько пережила в своей жизни, что эти разочарования казались пустяком. Уж ей-то есть с чем сравнить, ей, повидавшей столько горя. На противоположном полюсе от Заков находятся такие мужчины, как Жан-Шарль. Выдающиеся личности, достойные восхищения и уважения. И доверия. И почему-то всегда по какой-нибудь причине недостижимые, недостижимые. Чаще всего они, как Жан-Шарль, уже кому-то принадлежат. И все же Тимми была благодарна судьбе за нынешний долгий разговор с ним. Она почувствовала в нем родную душу. Это была такая редкость, такое счастье, что ничего больше ей сейчас было и не надо.

Глава 4

За два дня Тимми заметно окрепла. Стала лучше себя чувствовать, лучше выглядела; Жан-Шарль приходил к ней два раза в день, до начала своей основной работы и после. А в пятницу заглянул еще и поздно вечером, возвращаясь домой после ужина, где он, по его признанию, умирал от скуки. Приоткрыл дверь, заглянул в ее палату и обрадовался, что она не спит. Он был красив и элегантен в своем черном, в тонкую полоску, костюме, как в тот первый вечер, когда она его увидела.

Тимми читала английский журнал, который принесла ей одна из сестер; несколько минут назад она разговаривала по телефону с Заком, но Жан-Шарлю об этом не сказала. Зак, как и следовало ожидать, не проявил ни малейшего сочувствия к тому, что ей пришлось перенести операцию, напротив, поддразнивал ее, как будто она отколола забавную шутку. Участие и забота были ему неведомы, над самыми серьезными проблемами он склонен потешаться. Вот и сегодня он со смехом сказал, что так ей и надо, это ей наказание за то, что не взяла его с собой в Европу, и тут он, конечно, хватил через край. Но ему и в голову не приходило, что ей сейчас может быть тяжело и что ночью она пережила смертельный страх. Чтобы такая сильная женщина, как Тимми, чего-то испугалась, какой-то пустяковой, как он считал, операции? Полная чепуха! Судя по ее голосу, у нее все прекрасно, Тимми и хотела создать такое впечатление. Бодрилась перед ним, не показывала виду. Однако она и на самом деле чувствовала себя сейчас лучше.

Джейд и Дэвид тоже ей сегодня несколько раз звонили. Встречи в Нью-Йорке прошли хорошо, они вполне справлялись с делами без нее. Джейд хотела прилететь к ней в Париж, оба волновались за нее, но Тимми убедила их, что беспокоиться не надо, у нее все отлично. И правда, им вовсе незачем лететь к ней. Ей сейчас нужны только покой, антибиотики и время, чтобы восстановить силы. Она сегодня несколько раз прошла по коридору, правда, медленно и осторожно, и ей еще трудно было выпрямиться. Только Жан-Шарль знал, какое потрясение она пережила, все остальные видели женщину, которой никогда не изменяют самообладание и уверенность в собственных силах. Она не любила показывать людям, как легко ее можно ранить, она бы тогда чувствовала себя совсем незащищенной.

Когда Жан-Шарль заглянул к Тимми в дверь, она повернула в его сторону голову и улыбнулась. Он вошел – энергичный, с задорным, как у мальчишки, блеском в глазах – и сразу заметил, что она уже не такая бледная, как днем. Тимми рассказала ему о своих прогулках по коридору.

– А что вы здесь делаете в такой поздний час? – спросила она его не как врача, а скорее как друга. Много ли на свете врачей, которые навещают своих пациентов в одиннадцать вечера? Между ними возникла какая-то особенная связь, им было приятно общество друг друга. Он сел возле ее кровати, и они радостно улыбнулись друг другу.

– Я возвращался домой и решил узнать, как ваши дела, – благодушно сказал он. – Вы ведь чрезвычайно важная персона, знаете ли. – Она засмеялась его шутливому тону – пусть шутит сколько угодно, она не против.

– Этой важной персоне ужасно скучно, – отозвалась Тимми, откладывая журнал в сторону. Она была очень довольна, что он пришел. – Надо мне скорей поправляться, – улыбнулась она. – Я уже начинаю чувствовать себя так, будто я в тюрьме. Когда вы меня выпустите?

– Посмотрим, как вы будете завтра. Может быть, я смогу позволить вам вернуться в отель с медсестрой, – ответил он, слегка нахмурившись. Когда она переедет в отель, ему будет не хватать их послеполуденных разговоров, а здесь, в клинике, он может в любое время к ней заехать.

Ему не часто доводилось испытывать такую радость от общения с больными, к тому же было интересно узнавать ее мнение относительно того, что она хорошо знала и в чем разбиралась. Они сделали открытие, что оба страстно любят живопись, и в частности высоко ценят Шагала. У нее даже был его этюд, который она повесила в своей квартире в Бель-Эйр. К тому же Жан-Шарль начал рассказывать ей о себе. Вчера, например, рассказал, почему он стал врачом: когда ему был двадцать один год, его шестнадцатилетняя сестра умерла от кровоизлияния в мозг, и эта внезапная смерть совершенно изменила его жизнь.

– Мне не нужна медсестра, – запротестовала Тимми, любуясь про себя его костюмом и пытаясь угадать дизайнера. Костюм был сшит прекрасно, линии по-мужски строгие, элегантные. Вдруг в голове мелькнула мысль – интересно, он обидится, если она пошлет ему костюм из своих коллекций, или нет? Одевается он безупречно. Ей нравились не только его вечерние костюмы, но и повседневная одежда. Утром он пришел в зеленовато-серых брюках, голубой в полоску рубашке и в блейзере, на ногах коричневые замшевые мокасины. Все это ему шло, стиль одежды был скорее английский, чем французский. И все сидело на нем великолепно, ведь он был высокий и худощавый.

– Медсестра вам обязательно нужна, – твердо сказал он. – У меня есть все основания подозревать, что без присмотра вы тут же начнете бегать, да еще и на улицу выскочите.

Он уже говорил ей, что она должна неделю пролежать в постели, но ей такое предписание начало казаться жестоким и несправедливым наказанием.

– Никто бы не сказал, что я бегала по коридору сегодня днем, – возразила она, и он улыбнулся ей в ответ. Утром она вымыла голову, и сейчас медная кудрявая грива ее волос рассыпалась по плечам поверх больничной рубашки. Гигантских размеров букет, который стоял в палате, был прислан управляющим отеля «Плаза Атене», Жан-Шарль обратил на это внимание. Еще один огромный букет прислали Дэвид и Джейд – заказали по телефону из Нью-Йорка. Палата благоухала, точно сад.

– Приятный был вечер? – спросила она с любопытством ребенка, которого оставили дома с няней, а ему хочется, чтобы хоть рассказали о празднике.

– Безумно скучный. – Он даже скривился. – Никто слова живого не сказал, еда была отвратительная, кто-то пожаловался потом, что вино ужасное. Я не мог дождаться, когда ужин наконец кончится.

Странно, почему он не поехал сразу домой, к жене? Но Тимми его об этом не спросила. Порой ей начинало казаться, что брак у него не такой уж счастливый, но Жан-Шарль никогда ничего о своей семейной жизни не рассказывал. Он предпочитал рассказывать о детях. У него были две дочери – Жюли и Софи, одной семнадцать лет, другой пятнадцать, – и сын Ксавье, который учился на первом курсе медицинского университета и хотел стать хирургом. Жан-Шарль не скрывал, что гордится сыном. Он несколько раз упоминал о нем в разговорах с Тимми, и всегда с неизменной гордостью. Старшей дочери было столько лет, сколько могло бы быть ее сыну, и он не раз думал, что, возможно, ей тяжело, когда он говорит о своих детях. Но она сама его расспрашивала, и он не переводил разговора, охотно отвечал ей.

– Я тоже не большая любительница званых ужинов, – призналась ему Тимми. Ей было уютно в ее постели, она радовалась, что он пришел навестить ее в такой поздний час, тем более что она уже чувствовала себя гораздо лучше. И ей совсем не мешала игла капельницы в вене. – Гораздо больше люблю проводить время на моей вилле на берегу океана или сидеть с друзьями в каком-нибудь маленьком кабачке.

Она слишком много работала, и у нее почти не оставалось времени на светскую жизнь, хотя иногда бывала просто вынуждена посещать какие-то важные светские мероприятия в Голливуде. Ведь ее фирма часто шила костюмы для героев фильмов, и у нее заказывали себе платья многие голливудские звезды.

– А где ваша вилла на берегу океана? – с интересом спросил он. Насколько же приятнее разговаривать с ней, чем с гостями, приглашенными на нынешний званый ужин!

– В Малибу. – И она с удовольствием стала рассказывать ему о своей вилле, о том, как любит подолгу гулять по пляжу. О том, что туда приезжает к ней Зак, она умолчала. Не стоит он того, чтобы о нем рассказывать, она вообще избегала разговоров о нем. Не такое уж важное место он занимает в ее жизни, чтобы посвящать Жан-Шарля в их отношения. Это один из компромиссов, на которые ей приходится идти.

– Мне всегда хотелось побывать в Малибу, – признался Жан-Шарль мечтательно. – На снимках там так красиво. А ваш дом в Звездной колонии? – спросил он, показав хорошее знание города, и она с улыбкой кивнула.

– Да, там, – тихо подтвердила она. – Вы должны как-нибудь приехать и увидеть все своими глазами. – Она произнесла эти слова, и оба подумали об одном и том же: а увидят ли они друг друга еще когда-нибудь? Никаких поводов для встречи в будущем у них, собственно говоря, не было, разве что она в очередной раз придет в Париж и снова заболеет. А может быть, так случится, что, рассказав друг другу о себе так много здесь, в клинике, они станут друзьями?

– Я много лет не был в Лос-Анджелесе. В последний раз летал туда на очень интересную конференцию и читал лекции на медицинском факультете Калифорнийского университета. – Жан-Шарль встал. Уже поздно, а она как-никак его пациентка, и ей пора спать. Все это он ей и сказал, и она в ответ кивнула. Конечно, она утомилась, но как приятно вот так беседовать с ним. – Я приеду навестить вас завтра, – пообещал Жан-Шарль, – и мы вместе решим, когда вам будет можно вернуться в отель. Может быть, в воскресенье, если вы дадите слово хорошо себя вести.

– А как вы думаете, когда мне можно будет вернуться в Лос-Анджелес?

Казалось, прошел целый век, как она улетела оттуда.

– Посмотрим. Может быть, в конце следующей недели или даже в середине, если с вами будет все хорошо.

Джейд предложила Тимми прилететь за ней в Париж и вместе вернуться, но Тимми убедила ее, что в этом нет никакой необходимости, хотя она сейчас и помыслить не могла о том, что ей надо будет поднять ее огромную дорожную сумку. Но это не важно, она полетит в Лос-Анджелес одна, а Джейд с Дэвидом пусть возвращаются туда из Нью-Йорка, так будет разумнее.

– Доброй ночи, Тимми, – пожелал ей Жан-Шарль, взявшись за ручку двери, и она улыбнулась ему в ответ на его пожелание. Потом не без лукавства поблагодарила:

– Очень вам признательна, доктор, за то, что навестили больную.

Он улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Она стала засыпать, думая о нем... интересно, какая у него жена, такая же ли утонченная и элегантная, как он, и при этом искренняя и открытая? Как странно в нем совмещаются чопорность и сердечность. Он показывал ей фотографии своих удивительно красивых детей, и Тимми, даже не видя его жену, решила, что она, безусловно, тоже красавица, раз у них такие дети. Тимми и представить себе не могла, что может быть иначе, хотя он очень мало говорил о ней, сказал только, что она по образованию юрист, но никогда не работала, и что они поженились почти тридцать лет назад. На Тимми эта цифра произвела сильное впечатление – шутка ли, такой долгий срок, однако по тому немногому, что она узнала о его жене, было трудно понять, счастливый у них брак или нет.

Что ж, раз они прожили вместе так долго, наверное, счастливый, размышляла Тимми, но ведь он был чрезвычайно сдержан и вообще никак не отзывался о своей жене – ни хорошо, ни плохо. Когда бы разговор ни заходил о ней, он словно бы отстранялся, и одно это побуждало Тимми задумываться о его семейной жизни, о том, счастлив ли он или нет. Он никогда

не рассказывал о забавных случаях, в которых принимала бы участие его жена. Говорил о детях, о себе и почти никогда о своей второй половине.

Сколько бы Тимми и Жан-Шарль ни беседовали, какие бы темы ни обсуждали, вплоть до философских, причем часто их взгляды совпадали, в его тоне никогда не появлялось и намек на флирт, и это был для нее еще один повод им восхищаться. Он был всегда деликатен, полон интереса и уважения и никогда не переходил грань. То, что он не пытается флиртовать с ней, давало ей основание думать, что он все еще любит свою жену, хоть и почти не рассказывает о ней, и Тимми считала, что это достойно восхищения. Им трудно было не восхищаться – за его высокий профессионализм, самоотверженность, огромные знания, за его мудрость, образованность, чувство юмора, внимание к больным... Никогда в жизни ни один врач не проявлял по отношению к ней такой заботы, и Тимми уже решила, что перед отъездом сделает ему подарок. Но пока ее не выпустят из клиники и она не вернется в отель, выбрать и купить его она не сможет.

И когда на следующий день утром Жан-Шарль приехал навестить ее в одежде для уик-энда – вельветовые брюки, серый кашемировый свитер, – она снова заговорила о том, что хорошо бы ей переместиться в отель.

– Ну хорошо, хорошо, вижу, вы не оставите меня в покое, пока я не отправлю вас в «Плаза», – шутливо проворчал он. Ей уже достаточно долго делали инъекции антибиотиков, и он решил, что дальше она может принимать их в виде таблеток. Тимми хорошо понимала, что он очень осторожен в своих выводах и действиях и чрезвычайно ответственен как врач. – Перевезем вас в отель завтра, – согласился он, – но вы должны дать обещание, что будете лежать и набираться сил. Думаю, там вам будет удобнее.

Конечно, ей там будет удобнее, но и здесь, в клинике, за ней все четыре дня очень хорошо ухаживали, да и он заглядывал к ней по нескольку раз в день. Он был внимателен, с большой осторожностью применял медикаменты и вникал в мельчайшие подробности.

Перед тем как уйти, Жан-Шарль сказал ей, что уезжает на уик-энд с детьми. Вместо него остается его коллега. Тимми он напомнил, что у нее есть номер его мобильного телефона, и если возникнут какие-то затруднения, пусть она сразу же звонит ему. Она вспомнила, как позвонила ему в ночь на вторник, когда ее терзала непереносимая боль. Сейчас ей казалось, что это было тысячу лет назад, они о стольком переговорили за эти дни и так много узнали друг о друге. Он больше не какой-то чужой и незнакомый доктор, он – друг.

– Завтра, когда я вернусь, я загляну в «Плаза Атене», навещу вас, – пообещал он, и она знала, что он сдержит обещание. Он всегда держал слово. Вот человек, на которого можно положиться! Сильный, надежный. – Я еду в Перигор, у моего брата там дом. Мы с детьми любим там бывать.

Он ушел, и только тогда Тимми сообразила, что он ни слова не сказал о жене, ее это удивило. Что ж, может быть, она в отличие от них не любит Перигор или не слишком ладит с его братом. Все может быть, ведь люди прожили вместе столько лет. У каждого свои привычки, кто-то идет на уступки, а кто-то отказывается встречаться с друзьями или родственниками жены или мужа, которые им несимпатичны. Жан-Шарль не объяснял, почему он никогда не говорит о жене. А Тимми чувствовала, что спрашивать не нужно, хотя они делились друг с другом своими сокровенными мыслями о самых разных предметах, – от политики до искусства, от аборта до воспитания детей, хотя именно этого опыта у нее было очень мало, ведь ей так недолго довелось быть матерью. Размышляя обо всем этом, Тимми вдруг осознала, что завидует ему, потому что он проведет субботу и воскресенье со своими детьми. Как им повезло, что у них такой замечательный отец.

Вечер, когда он не приехал навестить Тимми, прошел очень тихо, она включила телевизор, который стоял у нее в палате, и посмотрела новости по Си-эн-эн. Никаких сенсационных событий не произошло. Звонили из Нью-Йорка Джейд и Дэвид, рассказывали, что

дела идут хорошо. В понедельник и вторник у них запланированы несколько встреч, а во вторник вечером они полетят в Лос-Анджелес. Тимми надеялась, что к концу следующей недели она тоже вернется домой, и заранее ужасалась тому колоссальному объему работы, который скопился за время ее отсутствия, и в особенности за те дни, что она болеет. Бог даст, она наберется сил к возвращению домой и со всем справится. А пока еще она чувствовала большую слабость – шутка ли, у нее ведь начинался перитонит, – и в воскресенье, собираясь переселяться из клиники в отель, она с великим трудом оделась и даже пожалела, что отказалась от предложения Жан-Шарля взять с собой сестру, убедила его, что в отеле для нее будут делать все, что необходимо. За ней приехал Жиль, сказал, что она отлично выглядит и он страшно этому рад, привез огромный букет красных роз, завернутых в целлофан. Выходя из клиники с этим букетом, но все еще на не слишком твердых ногах, она чувствовала себя чуть ли не кинозвездой или оперной дивой. А оказавшись снова в «Плаза Атене», она в очередной раз обрадовалась – как же ей здесь хорошо. Она словно вернулась домой, в ее роскошных апартаментах все было так знакомо и привычно, горничная заботливо помогла ей разобрать вещи и устроиться.

Тимми приняла душ, Жан-Шарль сказал, что уже можно, заказала себе в номер обед, прослушала оставленные на автоответчике сообщения, прочитала посланные Джейд и Дэвидом факсы – никаких событий чрезвычайной важности не произошло, они просто сообщали, что все идет своим чередом. И наконец Тимми блаженно легла в постель, застланную хрустящим, тщательно отглаженным бельем. Какое счастье снова оказаться здесь, ничего роскошнее и придумать невозможно! Конечно, в клинике все проявляли к ней величайшее внимание, заботились о ее удобствах, были любезны и предупредительны, но для нее, Тимми, не было на свете другого такого замечательного места, как отель «Плаза Атене».

Под вечер, когда она, блаженно лежа в постели, пила чай со своими любимыми шоколадными конфетами, позвонил швейцар и сообщил, что к ней пришел доктор Вернье, и через несколько минут Жан-Шарль вошел в ее номер. Вид у него был отдохнувший, он явно радовался встрече с ней. И сразу же сказал, что она выглядит гораздо лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.